
ПОЛИНА КРАВЕЦ
Когда гул затихнет
18+

Полина Кравец

Когда гул затихнет

«Автор»
2026

Кравец П.

Когда гул затихнет / П. Кравец — «Автор», 2026

В тоталитарном мире Волтариса, где прогресс техномагов питается ценой гибели природы, восемнадцатилетняя Иллитрия Костер - студентка престижной Академии "Железного Шпиля", после череды кошмаров и вскрытия страшной правды решается действовать. Вместе с однокурсником Янником и друзьями, она совершает побег ради поиска древнего артефакта, который способен восстановить баланс магии, но эта экспедиция оборачивается предательством, пробуждением скрытой силы природы и выбором, который навсегда изменит привычный мир.Иллитрию и ее товарищей будет ждать много опасностей, но сможет ли она в решающий момент вспомнить главное правило?Бежать, если гул Академии вдруг затихнет.

© Кравец П., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Посвящение. 5
Глава 1. 6
Глава 2. 9
Глава 3. 17
Глава 4. 23
Глава 5. 29
Глава 6. 35
Глава 7. 39
Г 46
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Полина Кравец
Когда гул затихнет

Посвящение.

Моей тихой гавани.

Когда гул внешнего мира становится слишком громким, холодным и жестоким, так важно найти свое. Своего человека, свой дом, свой смысл.

Ты - мой.

Ведь в конечном итоге, все что у нас есть в этом хаосе - это любовь.

Глава 1.

«Параграф 4.2. Выцветшие и потерявшие номинальную энергоемкость мана-кристаллы подлежат обязательному извлечению каждым гражданином Волтариса с последующей сдачей в специализированные пункты переработки магистрата. Хранение истощенных носителей в жилых секторах расценивается как несанкционированное удержание остаточного ресурса».
- Из свода правил внутреннего порядка жителей Волтариса.

-Лия! - за дверью послышался низкий, но настойчивый мужской голос. - Лия, ты опаздываешь! В первый же день!

Я резко распахнула глаза. Голова раскалывалась после очередной бессонной ночи - давление было такое сильное, что я отчетливо чувствовала ритмичную, изнуряющую пульсацию в висках и макушке. Я с усилием скинула с себя тяжёлое одеяло и села, свесив ноги на край кровати. Холодный сквозняк, проникающий в комнату через оконную щель, мигом полоснул по щиколоткам, заставляя кожу покрыться россыпью крупных мурашек. Нужно было брать себя в руки и подниматься.

Я ступила босиком на гранитную плитку и шумно выдохнула от ледяного прикосновения пола. Тягучая вялость медленно начала покидать мое затуманенное сознание, но движения тела все еще оставались неуклюжими. Я кое-как схватила со стула кофту и брюки. Натягивая на ноги широкие штанины, я потеряла равновесие, пошатнулась и с размаху ударилась о острую кромку металлической столешницы. Тупая боль, мгновенно разлившаяся по бедру, заставила меня вскрикнуть, но зато на секунду переключила внимание с невыносимой вибрации в голове.

Я наспех оделась и заплела светлые волосы в небрежную, расслабленную косу, чтобы лишний раз не натягивать и без того многострадальные виски, после чего бросилась в ванную. В груди колыхалась слабая надежда, что мягкие струи прохладной воды помогут мне окончательно сбросить липкую пелену беспокойного сна.

Утренний ритуал в прямом смысле омрачил перегоревший кристалл. Я щелкнула тумблер, но мана-лампа лишь тускло мигнула, а затем погасла совсем, оставляя меня в густом полумраке ванной. С моих губ сорвался протяжный, чуть хриплый стон. Но, раздраженно закатив глаза, я все равно склонилась над скрипнувшим краном и принялась заливать свое нахмурившееся лицо щедрым потоком холодной воды. Я отчаянно пыталась проснуться, безжалостно забрызгивая плитку на стене и мутное зеркало.

-Доброе утро, пап! - пробормотала я, вытираясь на ходу скомканным полотенцем и пробираясь по коридору на просторную кухню. - Кажется, в ванной пора заменить кристалл, я не смогла включить свет.

-Да уж, юная леди, я его заменю. - отец коротко улыбнулся, не отрываясь от мана-носителя в своей руке. В его потухшем взгляде читалась привычная, въевшаяся нота усталости. - Как насчет того, чтобы вытащить новый из твоего будильника? Его энергия, как я посмотрю, всё равно тратится впустую.

-Извини, я не понимаю, почему так тяжело встаю в последний месяц, - виновато ответила я, пряча руки в карманы брюк.

Хотя на самом деле я все понимала прекрасно. С начала февраля я просыпалась по десятку раз каждую ночь. Эти пробуждения были наполнены удушающим чувством тревоги, которая долго сжимала мои ребра настоящей стальной хваткой, не давая глотнуть достаточно воздуха и провалиться обратно в сон. Я знала одно: мне видится жуткий ночной кошмар, но стоило мне только открыть глаза, как серый туман беспамятства тут же стирал все образы,

всплывавшие в моей голове. От недосыпа моё лицо стало осунувшимся, а на бледной коже появились сизые тени, что делало меня ещё более похожей на отца. Словно две одинаковые детали одного целого.

Я не рассказывала ему о своих тревогах. Несмотря на доверительные отношения, решила, что это не стоит его внимания. Я каждый день видела, как тяжело ему совмещать работу в лаборатории с родительскими обязанностями. Слава искре, с этого дня ему не придется тянуть хотя бы мое обучение.

-Ох, Иллитрия, надеюсь, ты быстро возьмешься за ум, - его голос прозвучал сухо, как наставление. - С этого дня тебе придется жить по строгому расписанию. Хватай сумку и выходи. Позавтракать ты уже не успеешь, а камни телепортации - редкая штука, чтобы тратить их силу каждый раз, когда ты опаздываешь.

Я тяжело вздохнула.

-Да, да, пап, я знаю! Хорошего тебе дня! - я слегка улыбнулась, стараясь скрыть подступающее беспокойство.

Взгляд его смягчился, он подошел и прижал меня к себе.

-И тебе хорошего дня. Удачи. Ты же знаешь, как я тебя люблю, - его тяжелые, пахнущие лабораторной медью руки обвили мои плечи. Отец был высок и хорошо сложен. Каждый раз, когда я оказывалась в его объятиях, чувствовала себя маленькой девочкой, хотя мне уже исполнилось восемнадцать. Его острый подбородок привычно лег мне на макушку, а темные кудрявые волосы, убранные на одну сторону, коснулись уха.

-Я тоже тебя люблю, пап! Но время у меня на исходе, так что увидимся вечером! - я мягко оттолкнула отца, высвобождаясь из его хватки.

Пальцы в кармане нащупали холодный, тяжелый металл латунной перфокарты - моего главного пропуска в систему Шпиля. Я закинула сумку на плечо, заставив железные пряжки звякнуть в тишине прихожей, и направилась к выходу.

Открыв дверь, я ощутила свежий весенний ветер, а слух сразу уловил оживленный гул города. Туда-сюда со звучным низким рокотом сновали кристаллические мобили, слышался топот бесчисленных пар ног по брусчатке, застилающей улицы - грубые ботинки работяг в мазутных комбинезонах смешивались с тяжелым шагом смотрителей. Мимо, едва не задевая прохожих, проплывали небольшие торговые платформы.

Над головой мертвой хваткой возвышались многоэтажные здания из каменных блоков и стекла. На удивление яркое солнце слепило, отражаясь от металлических витков оконных рам, а в воздухе отчетливо искрилось, покалывая кожу, магическое напряжение. Всё вокруг двигалось и гудело - это было привычным зрелищем для моих глаз.

Волтарис - столица техномагии - никогда не спал. Построенный полтора века назад вокруг цитадели Железного Шпиля, этот огромный город жил и шумел, упиваясь прогрессом за счет окранных территорий.

Идя по забитым работягами улицам, слушая непрекращающийся грохот генераторов и вдыхая едкий запах мазута, я каждый раз вспоминала о том, что безбедная жизнь в столице была уделом лишь одаренных и привилегированных. Чтобы поступить в академию, занявшую шесть из девяти башен Шпиля, уроженцам Волтариса вроде меня не приходилось прикладывать особых усилий – наши родители, ведущие инженеры вроде моего отца, обеспечивали нам отличное начальное образование и легкий старт.

Однако история наша знала много примеров, когда упорство и труд открывали ворота академии и для выходцев из других, не таких богатых регионов. Вот и в этом году не обошлось без талантливых, способных студентов. На подходе к цитадели можно было увидеть не только холеных столичных выскочек, но и целую группу молодых людей, прибывших сюда прямиком из Механтара или Кобальтового архипелага.

Их выдавали неподдельное удивление в глазах и чуть ссутуленная осанка, говорившая о том, что они не один день провели, согнувшись за выплавлением гаек и шестерёнок с помощью магии из металлической руды. Отличала их и одежда - она явно была не новой, часто сидела не по размеру. Но больше всего выделялась ткань. В одежду, производимую в Волтарисе, повсеместно добавляли кристаллическую пыль, придававшую ей характерный перламутровый отлив и особую прочность, в то время как жители отдаленных городов довольствовались лишь невзрачным искуственным сукном.

Пока мысли в моей голове сменяли одна другую, я даже не заметила, как дошла до нашего неизменного места встречи - Старой Мануфактуры.

Всего в пяти минутах ходьбы от главных ворот Железного Шпиля, в тихом тупике, где заканчивались мощёные мостовые и начинались старые складские помещения академии, расположилось двухэтажное здание из красного кирпича, которое когда-то было частью первого городского водоснабжения. Сейчас оно превратилось в нечто среднее между баром и мастерской. Тут можно было выпить пару коктейлей и изготовить что-то на верстаках, которые служили вместо обычных столиков.

Но главным плюсом этого места было, конечно, то, что сюда никогда не заглядывали смотрители. Оно считалось неофициальной зоной отдыха, скрытой даже от бдительных патрулей. Это повышало популярность Мануфактуру не только у обычных студентов, но и у таких детей инженеров, как я, ведь к нам всегда было приковано больше внимания, чем хотелось бы.

Буквально через минуту ожидания я заметила знакомый силуэт. Это была Беатрис Клапан, с которой мы вместе посещали групповые занятия и часто делили бремя домашнего обучения. Мы были очень близки: её родители, так же как и мой отец, курировали важнейшие инженерные разработки в Шпиле.

Пока она шла ко мне вдоль складских помещений, её упругие светло-рыжие кудряшки подпрыгивали с плеч, а губы расплывались в улыбке, рисуя ямочки на залитых румянцем щеках. Я невольно улыбнулась в ответ, когда она уже настигла меня и заключила в свои объятия.

-Лия! - воскликнула она. - Ты успела!

-Да, но боюсь, у нас осталось всего пятнадцать минут до начала первого урока, а впереди нас ждет еще бесконечная винтовая лестница. Если я опоздаю, достопочтенный Аурум Костер уж точно будет разочарован. Предлагаю бежать! - не дожидаясь ответа подруги, я сорвалась с места в сторону академии.

Мы неслись к главным воротам, которые сегодня, в день поступления, были распахнуты настежь для сотен новых студентов. Воздух бил в лицо, дыхание перехватывало, а Беатрис на бегу со смехом придерживала свои упрямые рыжие кудри. Спустя считанные минуты мы ворвались в тень первой башни первокурсников. На верхний ярус этого каменного монолита нам и было приказано явиться сегодня к назначенному времени. Из раскрытых окон первого этажа тянуло прохладой, тяжелым запахом мазута и едва уловимым озоновым покалыванием.

Я резко затормозила перед массивным входом и помедлила, тяжело переводя дух. Ноги словно налились свинцом. Сердце глухо стучало в ребра, и мне вдруг показалось, что академия за этими дверьми готовит для меня что-то кардинально новое. Что-то, от чего уже невозможно будет сбежать.

-Ну что? - чуть нервно произнесла Беатрис, догнав меня и шумно выдыхая. - Встречай нас, студенческая жизнь!

Я выловила из кармана латунную перфокарту, слегка холодившую кожу ладони, и уверенным жестом приложила ее к гладкому выточенному пазу гидроядра. Устройство тихо щелкнуло, пуская короткий импульс, и тяжелые створки башни бесшумно распахнулись перед нами, впуская вглубь Железного Шпиля.

Глава 2.

«Вы же все знаете, что время затухания сигнального кристалла составляет ровно сто пятьдесят секунд? Так вот, если вам интересно... Попытка продлить звучание кристалла собственным магическим импульсом приравнивается к фальсификации учебного процесса и карается отчислением. Стабильно каждый год на потоке находится умник, который пытается это попробовать после освоения магии».
- Из подслушанного мною разговора третьекурсника с абитуриентами.

Казалось, что в это самое мгновение вместе с воротами перед нами с Беатрис распахнулся целый новый мир. Ежемесячные лекции, устраиваемые академией, всегда проводились во внутреннем дворе цитадели, но мы никогда не оказывались за ее стенами, не считая центральной башни.

Мы неуверенно зашагали внутрь. Стоило нам ступить на территорию башни, как нас сразу же окутал мягкий свет, пробивающийся сквозь окна, украшенные витражами с изображениями первых техномагов прошлого.

-Ржавь! - вырвалось у Беатрис из приоткрытого от удивления рта.

Она осматривала зал, задрав голову с округлившимися глазами. Однако я не могла в полной мере разделить ее восторга. От всего этого масштаба веяло неестественным холодом и тревогой.

Современное искусство давно перестало быть монотонным ручным трудом - его в Вольтарисе презирали. Красота без пользы и грязные руки считались признаком отсталости и даже получили название «грязепись». Однако такие работы из прошлого сохраняли, чтобы напоминать нам о том, как далеко зашел прогресс. Но лично для меня в этих неидеальных и бесполезных витражах было что-то особенное и живое. Я сделала шаг вперед, ощущая легкое волнение. Внутри академии царила атмосфера величия и управляемого хаоса одновременно.

На первом этаже располагались просторные аудитории с высокими потолками и массивными металлическими столами. По углам громоздились ящики с мотками проводов, какими-то мелкими запчастями и небрежно сложенными пластинами. Стены украшали старинные карты, созданные еще вручную - редкие уцелевшие реликвии. В воздухе стоял непрерывный гул от работы, наверное, тысяч мана-кристаллов и всевозможных генераторов.

Пройдя дальше по коридору, я обратила внимание на стальное полотно. Это был портрет ректора, выжженный на листе вороненой стали. Он был грузным мужчиной с густыми усами и строгим взглядом. Казалось, глаза старика следят за каждым моим движением.

-Лия, смотри, это же профессор Фабрициус! - воскликнула Беатрис, указывая на еще одну металлическую гравюру впереди. - Говорят, он был одним из первых, кто освоил магию синтеза!

Я кивнула, но мысли уже унесли меня дальше. Мы зашагали вверх. На самом деле внутри академии давно существовали лифты, работающие по принципу магнитного скольжения. Из-за этого массивные винтовые лестницы в самом сердце башен обычно пылились без дела. Все, кроме одной, ведущей на верхний ярус башни первокурсников. Там размещался огромный зал, способный вместить всех новоприбывших одновременно. Подъем по старым ступеням оставался традицией - показательным жестом того, что все поступившие готовы приложить физические усилия, чтобы стать достойными техномагами.

Но давался он непросто. Мое дыхание сбилось после первой сотни ступеней, а еще спустя такой же отрезок пути предательски загудели ноги.

-Шлак меня засыпь! - выдохнула Беатрис, едва переставляя ноги. - Да эти ступени вообще закончатся? Что за глупость - имея грузовой лифт в каждой башне, проделывать этот путь пешком?

-Дань традициям, - пожала плечами я, стараясь дышать ровнее. - Это не так трудно. Эту лестницу одолели все учащиеся в академии, причем не один раз. Крупные собрания первокурсников и редкие общие потоки будут сгонять именно сюда, так что поднажми!

-Очень надеюсь, что ты пошутила, - рвано, задыхаясь, ответила подруга, но продолжила подъем.

Наконец мы достигли верхнего яруса. Я почувствовала, как сердце забилось быстрее. Трудно было понять: от оставленных ли позади нескольких сотен ступеней или от подступающего трепета. Учеба в академии для меня была не только возможностью получить новые знания, но и шансом сблизиться со сверстниками. Конечно, многие ребята были знакомы нам с Беатрис в лицо по ежемесячным лекциям, с кем-то мы даже перебрасывались вежливыми дежурными фразами, но не более. Теперь же гул огромной толпы студентов затапливал все пространство зала, смешиваясь с обрывками чужих ожиданий и страхов.

-Как думаешь, кто наш преподаватель? - спросила Беатрис, всматриваясь в мерцающую мана-проекцию расписания на стене.

-Надеюсь, что кто-то интересный, - ответила я, хотя в глубине души хотелось увидеть профессора Ривета, который чаще всего выступал в качестве лектора на ежемесячных занятиях Железного Шпиля.

Вдруг из толпы выдвинулся высокий парень с темными волосами и яркими синими глазами. На нем была черная рубаха с перламутровым отливом кристаллической пыли и выбитыми на рукавах рисунками шестеренок. Его уверенная осанка мгновенно привлекла мое внимание.

-Привет! Я Игнис. Игнис Гир, - представился он, открыто улыбнувшись. - Поделитесь, как вам первое впечатление?

-Привет! Я Лия, или Иллитрия Костер, если уж мы представляемся полными именами, а это моя подруга Беатрис Клапан, - ответила я, немного смущаясь. - Впечатление… волнующее.

-Да, здесь действительно дух захватывает! - согласился Игнис, и его голос звучал уверенно. - Вы слышали, что первым делом нам предстоит прослушать инструктаж о правилах поведения в академии? Узнать, какие дисциплины нас ждут в этом году? - его глаза буквально блестели от энтузиазма.

-Эм… А… Ну… Слышали… Да… От родителей… - Смятенно ответила Беатрис, прожевав половину слов.

Я окинула ее вопросительным взглядом, не ожидая услышать такого скомканного ответа от самой болтливой девушки из всех, кого я знаю. Но стоило мне увидеть ее залившиеся густым румянцем щеки - всё стало предельно ясно. Беатрис мгновенно сразил этот синий, пронзительный взгляд Игниса, и она явно не собиралась этому сопротивляться.

Вдруг нашу беседу прервал негромкий, но очень чистый, металлический «дзынь». В аудитории воцарилась суета, все спешили занять свои места, что в двухэтажном лекционном атриуме было совсем не просто, и я ощутила, как давление толпы нарастает.

Я схватила Беатрис и Игниса за руки, увлекая их наверх, на один из последних рядов. Стоило нам тяжело опуститься на жесткую холодную скамью, как звук, извещающий о начале инструктажа, окончательно затих.

-Только что вы услышали сигнал, который будет сопровождать ваше обучение весь первый курс. Этот звук создан вибрацией крупного мана-кристалла, расположившегося прямо на моем столе.

В центре аудитории, словно соткавшись из воздуха, появился силуэт невысокого худого мужчины средних лет.

-Как только я посылаю в него импульс, камень начинает издавать характерный гул, который полностью затихает ровно через две минуты и тридцать секунд. Что это значит для вас, студенты?

На несколько мгновений в воздухе повисла тяжелая пауза.

-Пока вы слышите этот сигнал, у вас есть шанс войти в аудиторию и занять места. Но как только он затихнет - вы считаетесь опоздавшими и без лишних пререканий удаляетесь с занятия. Такое сопровождение ожидает вас только в первый год обучения, дальше придется самим рассчитывать время. Точность в ремесле техномагов - один из важнейших критериев, не только в расчетах и чертежах. Ах, да, чуть не забыл. Позвольте представиться - заместитель ректора, профессор Конрад Каспар.

На бледном лице мужчины расплылась сдержанная, холодная улыбка.

-Я озвучу для вас основные и самые простые правила Железного Шпиля:

1. Не пить из случайных лабораторных колб.
2. Не появляться на лекциях под действием напитков из Мануфактуры по соседству.
3. Не использовать мана-кристаллы академии в личных целях.
4. Не очернять репутацию Железного Шпиля воровством.
5. Исключить использование комнат общежития в целях совокупления.
6. Ни в коем случае не прибегать к рукоприкладству.
7. Не пытаться посещать закрытые для студентов башни цитадели.
8. И бежать... - это слово профессор Каспар намеренно выделил длинной, зловещей паузой, - если непрерывный гул академии вдруг полностью затих.

-Да уж, бежать, если затихнет гул. Что за фон? Тут гудят даже стены - пронеслось у меня в голове, пока профессор продолжал вводить нас в курс дела.

-С остальным сводом правил вы можете ознакомиться, изучив проекцию на первом этаже во второй башне первокурсников, воспользовавшись кристаллами-носителями на любой парящей библиотеке цитадели или прочитав старинную рукописную книгу в старинной библиотеке академии на предпоследнем этаже, - зам ректора потер ладони и продолжил: - С завтрашнего дня вы начинаете изучать такие дисциплины, как физика, математика, черчение, основы магии и техномагии, история, кристалловедение и многие другие.

Профессор Каспар снова выдержал паузу, но уже не такую нарочитую, а достаточную лишь для того, чтобы мы успели проанализировать услышанное.

-Напомню, что первый курс считается вводным. После него вы распределитесь на специальности, которые больше всего будут соответствовать вашим способностям. Это может быть Общая инженерия, Медицина, Геология, Синтез, Акустическая магия и Техноагрономия. Однако помните: попадание в академию не гарантирует, что через год вы окажетесь на одном из этих курсов. Нарушающие правила или, что еще хуже, неспособные студенты быстро окажутся вне стен Железного Шпиля и попадут под распределение на рабочую службу. И это, я гарантирую, вам точно не понравится. Есть вопросы? - Каспар приподнял густые каштановые брови, тронутые сединой.

Какой-то светловолосый парень с первого яруса атриума начал медленно поднимать руку, но затем замялся под строгим взглядом профессора и поспешно опустил ее.

-Что ж, - продолжил профессор, - тогда, раз вопросов нет, сейчас мы вас разделим. В данный момент в этом зале сидит сто тридцать восемь первокурсников. Вы будете расформированы на шесть групп по двадцать три человека так, чтобы средние баллы вступительного теста в каждой были приблизительно равны.

Конрад Каспар начал озвучивать списки. Под монотонную читку профессора напряжение, стоявшее в лекционном зале, постепенно угасало.

-Всё, мы в шлаке, - шепот Игниса прервал относительную тишину атриума.

-Да ладно, судя по всему, нас ждет безудержное веселье, - я улыбнулась.

-Ну конечно. Если слушать лекции до упада, готовить убийственные проекты - иногда в прямом смысле этого слова, - мириться со строгими правилами и молиться, чтобы твой зад оказался на скамье раньше, чем затихнет этот треклятый «дзынь», весело, то ты, несомненно, права. Но честно говоря, в таком случае у меня возникает много вопросов касательно твоей адекватности, - едва слышно произнес Гир.

-У меня очень странные вкусы на развлечения, - шепнула я.

Игнис неслышно засмеялся, откинув голову назад, а его синие глаза весело сощурились.

-А как насчет пары-тройки коктейлей в Старой Мануфактуре вечером за знакомство? Это не противоречит твоим представлениям о веселье? - поинтересовался он.

Я повернулась к Беатрис, чтобы заручиться ее согласием, но не успела ничего спросить - она робко закивала, глянув на меня глазами, полными растерянности и надежды. Да, ей явно не мешало выпить чего-нибудь горячительного, чтобы хотя бы вернуть физическую возможность нормально разговаривать с Игнисом.

-Мы идём, - медленно, одними губами сказала я в сторону молодого человека.

Он кивнул в ответ, и я вновь повернулась к подруге.

-Может быть, я сейчас скажу что-то крайне очевидное, но мне кажется, чтобы кому-то понравиться, нужно сделать чуть больше, чем промычать пару слов. Что это с тобой? Первый раз вижу, чтобы ты остолбенела, стоило только симпатичному парню взглянуть на тебя, - шепнула я Беатрис на ухо.

-Сама не знаю. Просто увидела его синие глаза и оцепенела. Никогда раньше такого не испытывала. Влечение? Да. Интерес? Было. Желание понравиться парню, чтобы самоутвердиться? Грешила и таким, но чтобы просто потерять дар речи - со мной это в первый раз, - чуть слышно протараторила она.

-Я думаю, многие бы ответили, что это любовь. Однако, как по мне, когда твой организм реагирует ступором на другого человека, есть в этом что-то нездоровое.

Беатрис затихла, погрузившись в свои мысли, и Игнис шепотом окликнул меня:

-Лия, а что если Старую Мануфактуру мы посетим впятером? - Игнис слегка подался вперед, едва заметно кивнув на нижние ряды.

Я вопросительно посмотрела на него, и Гир продолжил:

-У меня есть еще два приятеля среди тех, кто сейчас сидит в этой аудитории. Мы познакомились на предпоследних ежемесячных занятиях перед поступлением. Судя по всему, экзамен они сдали, потому что я только что видел их среди студентов, занявших первый ярус, вон там, справа.

Он указал пальцем в сторону. Я чуть наклонилась, чтобы разглядеть юношей, и первое, что мне бросилось в глаза - одежда. Я не заметила того характерного перламутрового блеска.

-Да, они с окраин, - подтвердил Игнис, видимо, заметив немой вопрос на моем лице. - Надеюсь, вы с Беатрис не имеете ничего против?

Я отрицательно замотала головой.

-Быть может, я и похожа на уроженку Волтариса. А в чем я еще более уверена, так это в том, что ты знаешь, что я уроженка Волтариса, ведь ты слышал мою фамилию. И будучи достаточно образованным, чтобы сидеть сейчас на скамье Железного Шпиля, ты наверняка осведомлен, кто мой отец.

Я почувствовала резкое касание руки Беатрис, но проигнорировала его.

-Однако меня никогда, слышишь? Никогда не учили презирать выходцев из других, пусть даже самых отдаленных городов и регионов нашего континента! Это же абсурд! С каких пор место, где ты родился, предопределяет то, кто ты есть? И… - на этот раз Беатрис удалось прервать мой словесный шлак, ведь она, казалось, что есть мочи, пихнула меня локтем в левое плечо.

Я опешила, а секунду спустя поняла, что больше не слышу монотонного голоса профессора, озвучивающего списки.

-Ржавь! - подумала я про себя. - Неужели я забыла перейти на шепот от возмущения?

Еще мгновение спустя я набралась смелости взглянуть на профессора Конрада. Он стоял в центре атриума, скрестив руки на груди и наморщив лоб. Я забегала глазами по аудитории:

- Вал мне в дышло! - сотни глаз со всех сторон смотрели прямо на меня. Я судорожно ждала реакции профессора.

Наконец, тяжело и громко вздохнув, он сказал:

-Спасибо, что поделилась с нами своей позицией, но впредь прошу делать это вне учебного времени, - ровно произнес профессор. - И как кстати, что я снова нахожусь в центре вашего с друзьями внимания.

-Прости меня, - виновато успел шепнуть Гир мне на ухо, но я лишь кивнула, принимая его извинения, и сосредоточилась на Каспаре.

-Итак, - продолжал профессор, - последние пять студентов, которые будут обучаться в шестой группе: Игнис Гир, Маркус Вейн, Беатрис Клапан, Янник Райз и Илитрия Костер! Далее вы можете располагаться в выделенных комнатах общежития - их номера уже направлены на ваши перфокарты, - и, конечно, настраиваться на рабочий процесс. Ближайшая проекция расписания находится здесь, в атриуме, но также она продублирована на каждом этаже жилого сектора. Добро пожаловать в академию, студенты. На сегодня можете быть свободны!

Стоило профессору Конраду произнести эти слова, как аудитория загудела. Студенты подскочили со своих мест и засновали туда-сюда, как лихорадочный танец медных опилок. Кто-то бежал к расписанию, кто-то бросился проверять латунные карточки, кто-то стремглав направился к выходу. Мы оставались на местах. Беатрис, сидевшая слева от меня, расплывалась в неподдельной улыбке:

-Лия, мы будем учиться вместе! - радостно воскликнула она, не сдерживая восторга.

-Да, и как кстати, мы успели сойтись с нашим случайным одногруппником! - я кивнула в сторону Игниса.

Парень встал с места, посмотрел в сторону, где еще пять минут назад сидели его друзья, и махнул кому-то рукой.

-Пойдемте, - сказал он и направился вперед, расчищая нам путь до лестницы.

Спустя пару мгновений мы уже оказались внизу, среди редеющей толпы. Гир провел нас к двум своим приятелям. Мои щеки чуть порозовели от стыда.

-Наверное, вас нужно представить. Ребята, знакомьтесь, это обворожительная Беатрис Клапан и её бойкая подруга Илитрия Костер, - улыбнулся Игнис. - А это, девочки, Маркус Вейн и Янник Райз.

У меня едва не отвисла челюсть.

-Да ладно! - затараторила Беатрис. - Это те самые два приятеля, с которыми ты предлагал нам сегодня выпить? И все мы попали в одну группу. Я, конечно, не самый большой спец в математике, но даже так могу сказать, что вероятность подобного стремилась к нулю. - Подруга хихикнула.

-А ты откуда знаешь? Я же не успела тебе об этом рассказать, - удивленно вырвалось у меня.

-Мы же все сидели рядом. И перешептывались вы не так тихо, как могло показаться, а уж окончание вашего диалога… - Беатрис сделала паузу, подбирая слова, но Маркус её опередил.

-Слышали абсолютно все, - он открыто улыбнулся.

-Да, твой ответ явно был полон экспрессии, но спасибо за такую позицию, - подхватил Янник. - Ты даже не представляешь, как важно слышать подобное от представителей центра, особенно от кого-то с такой громкой фамилией. Ведь твой отец - Аурум Костер? Ведущий

техномаг в лаборатории, который сейчас отвечает за разработку синтеза телепортационных кристаллов, да и не только их.

Янник не спрашивал. Он явно был знаком с деятельностью моего отца - впрочем, как и каждый, кто смог получить здесь приличное образование.

-Да, все верно, - добавила я, считая это важной деталью. - А еще он занимается оптимизацией уже существующего процесса, чтобы сделать его проще и быстрее. Как раз для того, чтобы можно было перераспределить запас ключевых мана-кристаллов по всему континенту. Многие из них перестали бы быть привилегией, дошли бы до окраинных городов и позволили нашему обществу развиваться равномерно. Хотя отец и говорит, что подобное неравенство - это одна из черт и даже необходимость для существования индустриализма, в котором мы живем.

-Передай нашу искреннюю благодарность своему отцу, как представится возможность, - сказал Маркус.

Я кивнула.

***

Спустя час наше бурное общение перекочевало в Старую Мануфактуру. Бармен, как настоящий непризнанный гений алхимии, только и успевал смешивать самое дикое пойло на всем техномагическом континенте. Из-под его руки бесперебойным потоком вылетали любимые студенческие коктейли. Самые неразборчивые заказывали «Шлак» - мутное нечто из смеси отходов перегонки разных видов синтетического спирта. У кого карман был побольше, заливались «Ржавью», которую настаивали на железных опилках. Кто мог себе позволить потратиться - выбирал «Хлад». Это действительно было самое достойное из ассортимента Старой Мануфактуры. В его состав входил спирт, полученный из обычных мана-кристаллов, и одна из относительно недавних разработок техноагрономии - искусственный ментол.

Я же чаще всего выбирала «Отработку». Не то чтобы мне нравился ее металлический привкус, обусловленный содержанием очищенной ртути и угольного спирта, но я действительно наслаждалась эффектом тяжелого, как будто бы заземляющего опьянения уже после нескольких глотков

Бар был забит до такой степени, что приходилось стоять. Ритмичный гул генераторов и треск ламп звучали как своеобразная музыка. Газоразрядные трубки дрожали под потолком, заливая зал ядовитыми синими, лимонными и оранжевыми бликами. Громоздкие верстаки были заставлены стаканами и колбами с сомнительной жидкостью. В воздухе пахло озоном, тяжелым перегаром и дешевым синтетическим табаком. Но в целом в хорошей компании и на третьем по счету коктейле обстановка нисколько не смущала. Игнис и Беатрис уже стояли, приобнявшись чуть в стороне, бурно что-то обсуждая. Первичное оцепенение с подруги спало, и она наконец смогла снова непринужденно шутить. Я же увлеченно беседовала с Янником и Маркусом.

-Да ладно, вы кузены? - удивленно спросила я. - А с виду совсем не скажешь.

Маркус был приземистым молодым человеком с мощной короткой шеей и широкими плечами, которые казались еще больше из-за накинутой поверх грубой прорезиненной куртки. В баре он занимал много места, даже несмотря на то, что стоял в углу. Всё в его внешности выдавало то, каким нелегким трудом жили выходцы Вента. Короткие толстые пальцы были покрыты ожогами и трещинами. Глаза его были неживые, как будто пыльные - с мутными белками и серой, практически стальной радужкой. Даже стрижка-ежик явно была не выбором стиля, а суровой необходимостью.

Янник же выглядел сильно иначе. Он был высок и так же крепок в плечах, как и брат, но в его фигуре не было той придавленности, что у Маркуса. Его кудрявые карамельные волосы были коротко и рвано острижены, будто бы между делом, тупыми ножницами. А опаловый, словно выцветший взгляд еще сохранял ту же суровость жителя Вента, но уже утратил печать

безнадежности. Он тоже знал, что такое суровый труд, судя по тонкой сетке ожогов на его ладонях и нескольким белым шрамам, рассекающим правый висок на фарфоровом лице.

-Расслабься, Лия. Маркус просто пошутил. Но мы действительно близки, наверное, сродни братьям, - ответил Янник. - Моя мама была учительницей. Одной из тех, кто не стал перебираться в Волтарис или Техум, из которого родом Игнис. Она научила меня пользоваться магией достаточно рано, когда мне исполнилось четырнадцать. Последние четыре года перед поступлением в Железный Шпиль я занимался не добычей мана-камней, а заряжал их энергией.

-Но благодаря маме Янника мы оба смогли оказаться здесь. Как учительница, она имела доступ к дополнительным кристаллам-носителям, а в их семье даже сохранились печатные версии книг, - поделился Маркус. - Несмотря на то, что нас рано приобщили к рабочей деятельности, а госпожа Райз была очень занята, обучая сына вентского магистрата, она смогла дать нам должный уровень образования для того, чтобы мы оказались здесь, и даже организовала для нас по три поездки в год на ежемесячные академические лекции.

-Ваша история поражает, ребят, - с неприкрытым восхищением проговорила я. - Моей главной задачей, сколько я себя помню, всегда была учеба.

-Она может и была главной, но уверен, не единственной, - ответил Маркус.

-Никогда не обесценивай свой путь, если чужой кажется более тернистым, - сказал Янник, легко приобняв меня за талию. Он был собран и строг, но добрая порция алкоголяразвязала его руки - Ни на одного из нас никогда не было возложено столько надежд и ожиданий, как на тебя.

Я расплылась в улыбке, осушив свой третий стакан «отработки» до дна. Если честно, за всю жизнь я не видела от людей практически ничего, кроме неприкрытой зависти. А с ребятами… С Янником… Я первый раз почувствовала себя собой. Не Илитрией Костер, дочерью одного из самых влиятельных техномагов Волтариса и всего континента, не надеждой науки в качестве преемницы Аурума Костера, а просто девчонкой, выпивающей в баре, которую наконец по-настоящему готовы были принять. И, ржавь, девчонкой, которой точно было мало этого короткого объятия.

-Кто-то хочет повторить? - уточнила я, направляясь к барной стойке с пустым стаканом. - Только соображайте быстрее. Если отойду хотя бы на метр, то уже не услышу вас из-за этого дикого гула.

-Два «Хлада», - попросил Игнис.

-И одну «Ржавь», - добавил Маркус.

-Ну а я попробовал бы «Отработку». Интересно, почему ты ей так заливаешься, - улыбнулся Янник.

Я кивнула. Проталкиваясь сквозь плотную толпу, я прокручивала в голове список напитков, чтобы, едва коснувшись стойки, сразу выпалить его бармену. Бородатый крупный мужчина в кожаном фартуке рабочего мастерской орудовал шейкерами прямо у меня перед носом. Каждое его движение было отточено и выверено до идеала, и вот, уже спустя каких-то три минуты, на барной стойке выстроился ровный ряд из пяти стаканов с сомнительного вида жидкостями. Мужчина молча протянул мне поднос и кивнул следующему за мной в очереди посетителю, сообщая о готовности выслушать его заказ.

Быстро переставив на него напитки, я взяла свою ношу и отправилась назад по заранее выверенному маршруту вдоль стенки, чтобы минимизировать толкотню. Но стоило мне пройти буквально два шага, как взгляд зацепился за странного вида мужчину, стоящего в углу барного зала. Он не пил, не ел, как будто просто ждал. Его внешний вид и возраст явно не вписывались в портрет среднестатистического завсегдатая Старой Мануфактуры. Частично скрытое под шляпой лицо с плотной щетиной на подбородке уже покрылось первыми морщинками, а строгий кристаллический пиджак с воротником-стойкой выдавал в нем вполне солидного

человека. Мужчина переминался с ноги на ногу, облокотился на стену за собой и сложил руки на груди, окидывая бар пристальным взглядом.

Когда он поправил манжет, свет от мигающей газоразрядной трубки на мгновение выхватил из тени небольшую, тускло мерцающую эмблему на его рукаве - острую иглу, вписанную в шестерню. Это была эмблема академии, которую явно не хотели выставлять напоказ. На секунду взгляд незнакомца пересекся с моим, по спине пробежал холодок. Я потупила глаза в пол, поспешно сменив маршрут вглубь толпы.

-Ну конечно, - пронеслось в моей голове, - ржавой шестерни мне в зад! Они просто не хотели открыто ставить запрет на посещение бара, чтобы создать для нас иллюзию безопасного места. А на самом деле смотрители были и здесь!

Глава 3.

«Исторически на наших землях помимо людей обитали и другие живые существа, формировавшие сложнейшую экосистему. Однако после отравления лесов и Великого пожара выжившие виды оказались оттеснены на самые окраины диких земель. В рамках расширения кругозора мы изучаем лишь те крупицы информации, что дошли до наших дней. Но кто знает, какие тайны и опасности до сих пор скрывают те неизведанные, скованные пеплом территории?»

- Из методического мана-носителя профессора Торка по курсу «Всемирная история и бестиарий».

Тепло. Совсем не обжигающее, а мягкое и пульсирующее ласкало мои закрытые веки, нежно коснулось левой щеки. Я по привычке потянулась нашарить одеяло, но вдруг пальцы утонули в чем-то прохладном, пушистом и влажном.

Я резко открыла глаза, но мир не спешил обретать знакомые очертания. Вместо привычного низкого потолка из серых плит и кабелей надо мной колыхался настоящий океан зелени. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь плотную листву, рассыпались по моему лицу золотистой пылью. Свет здесь был другим - не ровным и мертвенным, а как будто живым, дрожащим и постоянно меняющимся.

Я в прямом смысле этого слова забыла как дышать, оцепенела. На моей груди как будто лежал огромный валун, не давая глотнуть воздуха. Зрачки расширились, забегали в разные стороны, изучая незнакомый пейзаж. Я быстро, с нажатием проморгалась в надежде на то, что, открыв глаза в следующий раз, снова увижу серый интерьер своей комнаты. Но этого не произошло: надо мной вновь простирались бесконечные ветви деревьев, сплетаясь в живой, причудливый узор, который не смог бы повторить ни один чертежник академии.

Стволы и сучья извивались во всевозможно неправильных, ломаных формах, стремясь все выше, как можно ближе к теплым солнечным лучам. От разнообразия оттенков зеленого на фоне ясного голубого неба пестрило в глазах.

Я наконец смогла сделать жадный, смачный вдоха воздуха. Он не тяжелил легкие привычной металлической взвесью, был невероятно густым, свежим и до безумия чистым. По носу ударил целый калейдоскоп запахов из влажной земли, сладких цветов и терпкой хвои. И пусть в Волтарисе и старались создавать что-то похожее, но те ароматы не шли ни в какое сравнение с теми синтетическими, что я чувствовала раньше.

Вдруг слух начал ласкать приятный многослойный шелест листвы, и я наконец полностью отделалась от ощущения вакуума, с которым открыла глаза минуту назад. Откуда-то сверху донеслись трескучие крики, словно где-то закоротило кабель. Послышалось тихое жужжание, похожее на то, что исходило от работающих мана-кристаллов в лампах, но оно было не таким механическим, не таким монотонным: то затихало, то опять врывалось в гамму звуков с новой силой.

Я пошевелила пальцами и снова почувствовала мягкое, влажное прикосновение к ладони. Это была низкая, молодая трава, которая ласкала меня в ответ на каждое поглаживание. Наконец, набравшись смелости, чтобы встать, я приподнялась на локтях. И тут же моему взору открылся бескрайний горизонт без дыма заводских труб и шпилей высотных зданий. Чистое, без единого облака небо сливалось с изумрудным лесным ковром, а вместо мостовых перед глазами расстилались мягкие изгибы холмов, покрытых травами, колыхавшимися на ветру. Корни деревьев, выпирающие из-под земли, оплетали камни в диком, хаотичном порядке. Это одновременно было пугающе и прекрасно.

Я поднялась на ноги. Еще раз оглядела пейзаж вокруг и сделала пару шагов вглубь леса, на окраине которого очнулась. Подошва чуть проваливалась в мягкой, рыхлой земле. Но я тут же заметила, что грубые ботинки безжалостно давили нежные, сочные ростки. Ни секунды не раздумывая, я стащила с себя тяжелую обувь и откинула ее в сторону. Пальцы ног утонули в прохладном живом ковре. Шаг, еще один. Зелень колко щекотала ступни. Податливая земля под ногами ощущалась как что-то неправильное, но до безумия приятное. Я шла вперед, чуть пошатываясь, не чувствуя привычной опоры каменных мостовых.

Шаги мои были осторожными. Я балансировала на лесной почве, стараясь не задевать колючие ветки кустарников и невысоких молодых деревьев. Раньше я никогда не наблюдала за растениями в их привычной среде обитания. По правде говоря, я и видела-то их всего один раз около двух лет назад в рамках очередного ежемесячного обучения, устроенного Железным шпиля. Это была единственная экскурсия на плантации техноагрономов, которые находились на северо-западе Волтариса, практически на побережье, где тонкая полоска незастроенной земли срывалась вниз крутым обрывом. Там мы смогли поверхностно ознакомиться с технологией выращивания наших кормовых культур.

Нас провели на настоящую искусственную ферму, где активно использовались методы гидро- и аэропоники. Для наиболее питательных бобовых - разных видов фасоли, гороха и сои - были выстроены целые глубоководные аквариумы, чтобы разместить в них мощную корневую систему. А длинные вьющиеся стебли оплетали вокруг вертикальных опор. В похожей системе росла и кукуруза, однако ее стволы фиксировали еще более жестко и основательно.

Максимально причудливо выглядели посадки картофеля. Его корни техноагрономы помещали в закрытую герметичную камеру, укрывая их от искусственного освещения маналамп. И клубни корнеплода зрели прямо в воздухе, свисая вниз на длинных лианах, словно гирлянды.

Самыми малочисленными образцами плантаций стали ягоды, пряные травы и те виды и сорта растений, чей вкус превышал характеристики питательности, а соответственно, и глобальную пользу для населения. Такие экземпляры можно было встретить разве что за столами магистратов и в обеспеченных семьях по праздникам. Несмотря на то, что мой отец мог многое для нас позволить, последний раз я ела клубнику на свое пятнадцатилетие.

По мере моего продвижения по лесу удивление и восхищение не покидали моего лица. Все те ровные ряды ростков в гидропонных колбах, что мне посчастливилось увидеть несколько лет назад, не шли ни в какое сравнение с этой необузданной и живой красотой настоящего дикого леса и его окрестностей.

Вдруг в траве у корней большого дерева что-то зашевелилось. На секунду мне показалось, что это очередной стебель неизвестного растения колыхнулся в такт легкому порыву ветра. Но мой взгляд явно уловил что-то белое, мельтешащее в траве. Я пригляделась. Это было небольшое живое существо, покрытое жемчужным, переливающимся на редких солнечных лучах мехом.

-Не может быть, это же кролик! - восторженно воскликнула я.

Раньше мне удавалось видеть животных только на проекциях, когда отец посвящал меня в биологию мира магов природы. Зверек выглядел как мягкое, дышащее облако с длинными ушами, которые нервно подрагивали. Он замер, уставившись на меня своими черными глазами-бусинами.

Забыв об осторожности и движимая чистым исследовательским азартом, я тихонько присела и медленно протянула руку. Не торопясь, гуськом, вдумчиво переставляя одну ногу за другой так, чтобы ненароком не создать лишнего шума, я приблизилась к животному. Казалось, наши сердца колотятся в такт. Я осмелилась коснуться его невероятно мягкой шерстки одними кончиками пальцев и обомлела от неожиданного жара, исходившего от этого маленького лесного странника. Он точно был испуган, но почему-то не двигался. Я не могла разобрать

причину его оцепенения: либо он действительно настолько меня боялся, либо чувствовал, что я не собираюсь причинять ему вреда.

-Ты такой пушистый, как облака, простирающиеся над этим голубым небом, - почти беззвучно шептала я кролику в длинные, настороженно сложенные вдоль головы уши. - Мне просто хочется тебя подержать. Я никогда не встречала никого подобного тебе, дружок, не бойся.

Я сделала еще шаг навстречу зверьку и нежно обхватила его, прижимая к себе. Он как будто понял каждое сказанное мной слово и просто доверился. Этот волшебный момент омрачило только одно: я отчетливо почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд.

Медленно приподняв голову, в паре метров от себя я увидела девушку, стоящую прямо посреди переплетенных ветвей. Она не была похожа на жителей техномагического полиса: ее одежда казалась частью самого леса, а в глазах читалось спокойствие, которого не встретишь у людей, привыкших измерять жизнь числами и процессами.

Кролик в моих руках совсем обмяк, завалившись на меня теплым комом, а мир вокруг словно застыл, теряя резкость. Я выпрямилась, не выпуская животное из рук, и вгляделась в лицо незнакомки.

Это было узнавание на уровне биения сердца: те же белые вьющиеся волосы, те же скулы, тот же разлет бровей, который я каждое утро наблюдала в зеркале ванной. И затем, секунду спустя, по телу прошла холодная дрожь. Я видела то самое лицо, что было выгравировано на единственной сохранившейся металлической пластине в нашем доме, на которую отец любовался хотя бы единожды в день. Ноги стали ватными, а в горле застрял судорожный вдох. Это было как возвращение домой после вечности среди каменных стен Волтариса.

-Мама? - сорвалось с губ прежде, чем я успела хоть немного подумать о том, что именно мне хотелось ей сказать.

Женщина едва заметно кивнула.

Мои колени подкосились. Я плохо помнила ее лицо, но все мое нутро буквально взвыло от узнавания. В груди разлилось такое неистовое, жгучее тепло, что стало больно дышать.

-Ты поймала его, - тихо произнесла она. Ее голос отозвался в моей груди знакомой вибрацией. - Только здесь можно просто держать жизнь в руках, без вычисления ее формулы.

Она сделала шаг вперед. Под ее ступнями не хрустнула ни одна ветка. Я замерла, боясь, что любое мое движение рассеет этот до ужаса невозможный момент. Но кролик в моих руках осторожно пошевелил ушами, подтверждая, что всё это: тепло его меха, запах леса и стоящая передо мной женщина происходит на самом деле.

-Илли, пойдём! - приглашающим жестом руки позвала мама тем самым голосом и тем самым именем, что вызвали в моей голове настоящий взрыв.

Казалось, я уже совсем забыла этот высокий ласковый тембр, но все мое тело, даже кости и кровь, отозвались на него мгновенным резонансом. Внутри все дрожало. Взволнованность переросла в тихий, беззвучный плач без слез - только сдавленный всхлип.

Три года. Мне было всего три, когда эта женщина исчезла. И сейчас, глядя на ее живое лицо, я почувствовала себя той самой маленькой девочкой, внезапно, вновь отыскавшей потерянный смысл жизни.

Я протянула руку. Пальцы слегка подрагивали, разрезая густой лесной воздух.

-Это… Правда ты? - прошептала я, боясь, что звук моего собственного голоса развеет это наваждение.

Мама улыбнулась. Не идеально, но искренне, с той самой глубиной, которую невозможно передать гравюрой. На щеках у нее показались ямочки, точно такие же, как те, что украшали мое лицо в минуты счастья, радости и веселья. Она сделала еще один шаг навстречу и протянула руку. Я замерла, боясь спугнуть этот момент, боясь, что, стоит мне шевельнуться, и все вокруг рассеется, как туман. Но я одолела свой страх и потянулась одними пальцами прямо к

маме. Она сжала мою руку, и как только наши ладони соприкоснулись, мир вокруг вспыхнул новыми красками.

Это не было похоже на холодное касание металла. Мамина кожа была теплой, шершавой и пахла влажной землей. Сплетение наших рук прошибло меня мощным разрядом тока, но принесло оглушительное спокойствие.

-Идём, - почти шёпотом проговорила мама, смыкая пальцы на моей ладони.

Я послушно пошла за ней, не в силах отвести взгляд от наших сцепленных рук. Мама повела меня через чащу. Лес будто расступался перед нами, словно кланялся.

Это было невероятно странное ощущение: я почти не смотрела под ноги, доверившись ведущему меня импульсу и женщине, что была для меня незнакомкой, но в то же время такой нужной и родной. Я чувствовала, как через мамину руку ко мне перетекает знание леса - я практически кожей ощущала движение соков в стволах столетних деревьев и шепот грибницы под неловко ступающими по лесу ногами. Волнение в моей груди сменилось детским восторгом. Мне хотелось сжать направляющую меня ладонь так сильно, чтобы никогда в жизни больше ее не отпустить, забрать это тепло с собой в холодные коридоры Железного Шпиля.

Мама вела меня всё быстрее. Пейзаж вокруг начал меняться: деревья становились все выше, их кроны сплетались в живой свод, пропуская все меньше яркого утреннего солнца. Трава же под ногами, напротив, с каждым шагом делалась все приземистее и жестче, уже изрядно покалывая пятки.

С каждым шагом мы углублялись в лес всё больше. Здесь темнота становилась еще более ощутимой, лишь редкие лучи проникали сквозь этот изумрудный монолит над головой. Успокаивающее тихое жужжание сменилось зловещим шелестом тысячи листьев. И все вокруг наполнилось гулким уханьем сов, видимо, присевших отдохнуть на исполинских ветвях после ночной охоты.

-Куда ты меня ведешь? - робко спросила я у мамы.

-Подожди совсем чуть-чуть, скоро ты все узнаешь, - ответила она мне, чуть ближе притягивая к себе.

Я в предвкушении улыбнулась. В голове до сих пор не укладывалось происходящее, но я уже не нервничала, наслаждаясь, казалось, давно забытым маминым теплом. Мне хотелось остановить мгновение, прижаться к ней что есть мочи - как будто я смогу компенсировать этими секундами все те годы, что не имела возможности обнимать ее, видеть ее лицо, чувствовать ее запах.

Мы широко и быстро шагали, заходя все дальше и дальше в чащу. Где-то на середине пути я даже выпустила из рук пушистого зверька, заметив, как уши его подпрыгивают все выше с каждым пройденным по неровному лесному рельефу метру. Обернувшись, я поняла, что уже не различаю дорогу. Стройные плотные ряды величественных деревьев заполонили все вокруг на триста шестьдесят градусов. Я ступала практически наощупь, не в состоянии разобрать путь в дремучем полумраке. Под ступнями похрустывал хворост.

-Мы почти пришли, - полушепотом сказала мама, не оборачиваясь.

Мои пальцы сжимали ее ладонь все сильнее. Сердце затрепетало в сладостном предвкушении. Но не успела я сделать следующий шаг, как почувствовала под босыми ногами обжигающий импульс. Я подняла на мать ошарашенные глаза, не понимая, что происходит. Она вздрогнула и замерла всего на долю секунды, но эта доля показалась мне вечностью.

-Это грибница, Илли! - взволнованно воскликнула мать, испуганно вперившись в меня взглядом.

Я тоже почувствовала, как шепот, который я слышала и буквально ощущала кожей, как только наши с мамой руки соприкоснулись, резко сменился почти что на вой. Но я никак не могла разобрать причины этого пугающего изменения.

-Ей больно, Илли! - почти криком ответила мама на мой немой вопрос. - Это пожар!

-Пожар? - я оцепенела от неожиданности, не в силах осознать происходящее вокруг.

-Бежим! - одной рукой она хорошенько тряхнула меня за плечо, а второй с силой потащила за собой, переходя на бег.

Лес действительно загорелся. И не просто загорелся - он вспыхнул будто бы изнутри в одно мгновение. Это был не обычный огонь - такое пламя, жаркое и стремительное, создавалось только стихийными мана-кристаллами огня!

-Техномаги жгут дом природников? - пронеслось в моей голове. - Зачем? - Но времени на размышления не было.

Мы рванули через кустарники. Жесткая трава уже не просто колола ступни, а будто кромсала их. Камни врезались в пятки и превращали пальцы ног в кровавое болезненное месиво. Лицо царапало ветками, пока мы бежали что есть сил, не останавливаясь, все быстрее и быстрее, все глубже и глубже в лес. Но магическое алое, словно текучая лава, пламя все равно нагоняло нас. Оно росло, наливалось мощью, пожирая все живое на своем пути.

Воздух в мгновение ока сгустился, превращаясь в обжигающее марево. Небо скрылось за пеленой гари. Копоть забивала легкие. Птицы начали падать замертво, наглотавшись раскаленных клубов дыма. Всё вокруг делалось непроглядно черным, превращаясь в зловещее наваждение. Я больше не различала ни тропы, ни деревьев - только ослепляющие красные вспышки за стеной густой тьмы. Каждое движение давалось с трудом, словно мы пытались плыть в смоле.

Начала трещать древесина. Столетние массивные стволы возгорались как спички. Пространство заполнили десятки разных криков животных, соединившихся в один гул, пронизанный доисторическим ужасом и безнадежностью. Но мы все еще грезили выбраться из этой смертельной ловушки, несмотря на то, что заметно замедлили бег.

Дышать стало невыносимо больно, а перебирать ногами с каждым преодоленным метром - все тяжелее. Вдруг прямо перед нами глухо рухнуло первое дерево. Ударная волна чуть не сбила нас с ног, земля вибрировала под ступнями. Пламя, пожиравшее и облизывавшее кору дубового исполина, превратило его, еще десять минут назад величественно стоявшего посреди леса, в огромный факел. А затем огонь с бешеной скоростью начал перепрыгивать на траву, расстилающуюся перед нашими ногами. Я потянула маму в сторону, но чувствовала, что она уже больше не в силах двигаться.

-Мама, пожалуйста! - крикнула я ей, стараясь заглушить треск деревьев и ужасающие вопли животных.

Она попыталась сделать шаг в мою сторону, но громко закашлялась и упала на землю. Я схватила ее за плечи, чтобы встряхнуть, но она лишь безжизненно обмякла в моих руках.

-Мама! - завопила я, срывая голос. - Мама, я больше тебя не потеряю! Я не хочу! Так не должно быть! - я хлопала ее по щекам: все еще нежно, но отрезвляюще, и она вновь открыла глаза.

Я тяжело выдохнула и быстро сгребла ее в охапку, оттаскивая от стремительно приближающегося огня. Ноги почти не держали. Она была хрупкой женщиной, но для моего истощившегося тела это казалось неподъемной ношей, и в конце концов мы обе рухнули вниз на рыхлую землю. Я пыталась встать, все еще не выпуская маму из рук, но конечности не хотели меня слушаться. Мама обхватила меня за руку, прижавшись к ней лицом, легко поцеловала мою ладонь.

-Я люблю тебя, дочь, - со всей возможной нежностью произнесла она, и я обняла ее так крепко, насколько могла.

-Я тоже тебя люблю, мам! Так сильно тебя люблю! - на моих глазах выступили слезы.

-Дух леса, пожалуйста, укрой ее, спрячь! - вдруг завопила мама, вперевшись взглядом в наступающую стену огня. Этот визг был не просьбой, а жертвой.

Я опешила, не понимая, что происходит. Но, встретившись с ней взглядом, увидела самое страшное, что только могла, - смирение с неизбежностью.

-Мама? - сорвался с моих губ вопрос, но прежде, чем я услышала на него ответ, меня что-то потянуло в сторону, обхватив за талию.

Мама ускользала из моих объятий, пальцы ее разжались, выпуская мою руку.

-Мама! - крик застрял в легких, вытесненный едким дымом.

Я попыталась кинуться назад, нащупать родную ладонь в этой угольной пустоте, рассекаемой языками алого пламени, но черная пелена окончательно отрезала нас друг от друга. Слезы потекли ручьем, я застонала от сдавливающей грудь боли. В тот же миг что-то мощное, пахнувшее древесным мхом и сырой могильной землей, подхватило меня, отрывая от земли, подкинуло вверх. Я закричала, будто проваливаясь в бездну, сильно зажмурилась и… Проснулась?

Глава 4.

«Глава 8. Любое бесконтактное перемещение по рельефным направляющим строится на принципе "магнитной гребенки". В качестве классического примера рассмотрим городской лифт: его шахтные рельсы состоят из чередующихся выступов и пазов. Закрепленный на кабине кристалл генерирует сглаживающее поле, которое заполняет эти пустоты энергией, создавая ровную подушку. Направленное смещение поля заставляет кабину бесконтактно перекатываться с одного ребра рельса на другое, обеспечивая плавное скольжение».

- Из мана-носителя «Основы общей инженерии. Раздел профилированные магнитные цепи.»

Я резко открыла глаза и села. Сердце билось так часто, что казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Я жадно глотала воздух, беззвучно хватая его ртом, словно рыба, выброшенная на берег. Тревога заполонила мое сознание.

Взгляд метался по комнате, цепляясь за привычное убранство. Меня окружали серые стены. С потолка свисали спутанные провода. В углу на тумбочке тускло мигала прикроватная мана-лампа. Я была дома, в своей комнате. Всё это - был просто сон, такой же, как и все остальные, мучавшие меня со дня совершеннолетия. Но этот отличала от прошлых одна маленькая, но вполне примечательная деталь: я всё помнила. Каждое ответное прикосновение свежих травинок к моей ладони, тихое жужжание насекомых, маму… Ее лицо, ее руки, ее голос теперь навсегда врезались в мою память, хотя казались давно забытыми. Я помнила, что она вела меня через лес, в самую его глубь ради того, чтобы что-то показать. Помню пожар неестественного происхождения, наше с мамой прощание, ее просьбу к духу природы меня спасти и то, как кто-то вытащил меня из охваченного пламенем лесного массива.

-Я снова ее потеряла, - пронеслось в мыслях, и я поникла.

Я рисовала мамино лицо в своем воображении, стараясь не упустить ни единой детали. Мне хотелось записать ее образ до мельчайших подробностей прямо на подкорке своего сознания. Тревога сменилась опустошением и горечью повторной утраты. Меня одолевала сотня, если не тысяча вопросов, но я заставила себя переключиться на другие мысли, чтобы иметь хотя бы самую призрачную возможность расслабиться и вернуться в реальность.

Я плюхнулась обратно на кровать. Простынь подо мной была влажной и скомканной, одеяло валялось на полу, видимо, сброшенное в порыве резкого пробуждения. В углу на стуле висела выданная в академии форма. А на столе валялась стальная пластина для письма, несколько кристаллов-носителей, и перьевая ручка с наконечником из чистого свинца.

-В каком же я шлаке! Я снова не доделала конспекты, - осенило меня при взгляде на разбросанные учебные принадлежности. - Может, этот кошмар и вовсе не был связан с чередой терзающих меня с самого восемнадцатилетия снов? Может, это марание металла уже изнурило мое сознание настолько, что мне грезились такие жуткие образы?

Конечно, я знала, что это не так. Мне просто хотелось найти хоть какое-то логическое объяснение произошедшему сегодня ночью. Но и от тонны конспектов мой разум уже замкнуло. Я ежедневно тратила на них около четырех часов, и это лишь по возвращении домой из академии.

Процесс записи на сталь был куда изнурительнее письма на бумаге. Свинец неохотно ложился на холодную поверхность, но профессора только и твердили, что этот варварский метод гарантирует сохранность знаний на века. Каждый вечер уже напоминал своего рода ритуал. Вычитать информацию с камня-источника. Затем с помощью свинцового пера вывести на металлической пластине необходимый набор рун - читаемый и ровный, чтобы при переносе

в личный кристалл знаки преобразовались в осмысленный текст, а не какой-то нечитаемый мусор.

Второкурсникам в этом плане было намного проще: они пользовались природной энергией для перезаписи необходимой информации в свой камень, подавая в него импульс после прочтения текстов. Но мы, будучи на втором месяце обучения, еще не умели поглощать энергию из пространства, да и профессора считали, что такой способ письма - отличная дрессировка, которая учит нас усидчивости, дисциплине, точности и прочим качествам, которые были просто необходимы в мире техномагов.

Я потянулась на кровати в последний раз и заставила себя подняться одним усилием воли. Лениво подошла к письменному столу, протерла стальную освинцованную пластину промасленной губкой. Скрежет металла о металл болезненно отдавался в висках. Хорошо, что спустя пару движений сталь начала поддаваться, бликуя серебристо-голубым оттенком, вытесняя серую муть свинца. Я небрежно закинула в сумку кристаллы, холодно блеснувшие в утреннем тусклом свете, и флакон с чистящим составом. Туда же отправилась металлическая тетрадь и перьевая ручка, которую я предварительно сложила в специальный чехол, чтобы уберечь мягкий наконечник от повреждений. Сегодня вес сумки казался мне непосильным. Голова была тяжелой, движения заторможенными. Пальцы, все еще подрагивающие после пережитого ночного ужаса, схватили со стула форму.

Я нехотя натянула на себя узкие кристаллические штаны. А сбросив на пол ночную рубашку, начала втискиваться в техносинтетический кожаный корсет, неуклюже затягивая шнуровку. Материал отозвался коротким скрипом, плотно облегая ребра и создавая ощущение брони. Поверх накинула форменный приталенный пиджак с воротником-стойкой из той же ткани того же стального цвета, что и брюки. Всё в этой одежде кричало о практичности: она была химостойкой, не проводила электричество. С ее поверхности легко стирались свинцовые пятна и металлическая пыль. Она не изнашивалась от воздействия растворителей. Жесткое же прилегание обеспечивало безопасность в лабораториях и мастерских, где широкими рукавами и штанинами можно было запросто зацепиться за провод или скинуть со стола колбу с реагентами. Ну и ко всему прочему, форма, конечно, сидела великолепно.

Я затянула белые непослушные волосы в тугой пучок, закинула на плечо неподъемную сумку в полной уверенности, что проснулась еще раньше звонка будильника. Но вдруг боковым зрением заметила циферблат висящих на стене алюминиевых серебристых часов. И мои глаза округлились. Стрелки четко показывали восемь сорок пять утра. Я не могла в это поверить и ринулась с места проверить свою догадку.

-Ржавь! - вырвалось ругательство из моих уст. - Мана-кристалл сдох, будильник сегодня утром не сработал. Мне нужно быть на первой лекции в академии ровно через пятнадцать минут, и я никак не могу позволить себе ее пропустить. - я тяжело вздохнула и схватилась рукой за голову.

Сердце запрыгало в груди, ударяясь о ребра, стянутые корсетом. Я заметалась по комнате, лихорадочно соображая план действий. У меня оставалось пятнадцать минут. Пешком до академии - полчаса, бегом - двадцать. И может, я могла бы успеть, рванув что есть мочи, но ноги все еще были ватными после сна и не до конца меня слушались. Выхода не было. Единственным решением, пришедшим мне на ум, было воспользоваться камнем телепортации.

Я знала, что отца не было дома, иначе бы он меня разбудил. Папа либо отправился на работу с первыми лучами солнца, либо так и не вернулся из лаборатории вечером, снова с головой погрузившись в какой-то свой новый проект. Поэтому без какой-либо опаски я кинулась из комнаты по коридору прямиком в его кабинет.

Мне безумно повезло, что в моей латунной карте был доступ за эту дверь - единственную закрытую в нашем доме. В этой отцовской мастерской с личной библиотекой точно можно было найти не только планы по развитию всего техномагического мира на ближайшие десятки

лет, но и кристаллы с записями о разработке и внедрении различных инноваций. Однако меня это никогда не интересовало, я всегда просто слепо верила в то, что папа делает все для блага и комфорта нашего общества. Ключ в целом мне был выдан лишь для того, чтобы в случае, если с моим отцом что-то случится, я смогла бы передать все эти данные прямиком в руки магистрата Волтариса.

Я прислонила свою латунную карточку к такому же, только значительно меньших размеров гидроядру, что было на воротах Железного Шпиля. Замок щелкнул, и я потянулась к дверной ручке. Она послушно поддалась нажатию моей ладони. Дверь тотчас открылась, слегка скрипнув, и впустила меня в отцовский кабинет. Взгляд мой тут же зарыскал по заваленным чертежами столам. Но ни чертежи, ни отчеты, ни камни-носители не были мне интересны. Я искала лишь кристаллы телепортации - то, что папа называл «чрезвычайным протоколом».

Среди россыпи шестеренок и медной стружки, в глубокой нише, тускло поблескивал кожаный футляр. Я подбежала к нему, вскинула крышку. Внутри, на бархатной подложке, покоилась небольшая горсть телепортационных камней. В полумраке кабинета их глубокая синева казалась почти черной, а внутри пульсировало чистое, концентрированное колдовство.

-Когда отец узнает, ему это явно не понравится, - прошептала я себе под нос.

Стоимость одного такого камня могла обеспечить безбедную жизнь целой семье где-нибудь в Когвиле.

Времени на сомнения не оставалось. Я сжала холодную грань кристалла в ладони, чувствуя, как его вибрация отдает в самые кости, и громко, четко произнесла нужное мне местоположение, как учил папа:

-Академия Железного Шпиля, вторая башня первокурсников, третий лекционный зал первого яруса.

Пространство вокруг мгновенно схлопнулось. Кабинет, запах растворителей и блеск стальных приборов исчезли в ослепительной вспышке. Горло сдавило холодом, а через секунду меня буквально выплюнуло из пустоты прямо в закрытые железные створки, ведущие в башню академии. Я тут же упала пластом на каменные ступени. Глухой сильный удар пришелся прямо в солнечное сплетение, дыхание перехватило.

-Лия! - послышалось сквозь накрывшую на мгновение мое сознание пелену.

Сильные теплые ладони обхватили меня за плечи и приподняли. Перед глазами мелькнули рваные карамельные кудряшки.

-Янник, - сдавленно прошептала я. - Я… Я…

-Ох, Лия, ты что, во имя ржавого болта, телепортировалась? Да где ты вообще взяла кристаллы?

-Как где? В папином кабинете, - мое лицо скривилось в едва уловимой улыбке.

-Ну конечно, как я сам не догадался. А мистер Аурум Костер не против, что ты тратишь такие ценные ресурсы из-за того, что в очередной раз проспала? - с легкой долей нравоучения поинтересовался Янник.

-Я хотела рассказать ему позже, но теперь, - я кивнула в сторону стоящего между двумя башнями первокурсников мужчины, одетого в похожую форму, что и тот, кого я встретила в день поступления в зале Старой Мануфактуры, - он доложит об этом моему отцу раньше, чем я успею попасть в аудиторию.

-Ты бесспорно привлекла внимание смотрителя, да и не только его, - Янник обвел рукой полукруг, указывая сразу на всех столпившихся вокруг нас студентов. - Но думаю, не настолько, чтобы он сразу поставил в известность мистера Костера.

-Он, возможно, и не поставит, но вот человек, которому он доносит всю информацию о нас... Например, ректор? Вполне, - на глубоком выдохе произнесла я.

-Лия, о чем ты? Впрочем, сейчас не время. До занятия осталось ровно три минуты, а если учитывать тот факт, что ради того, чтобы на него попасть, ты воспользовалась кристаллом

телепортации, для тебя это важно. Давай я помогу тебе дойти, а ты пообещаешь, что обо всем мне расскажешь? - бровь Янника вопросительно изогнулась в ожидании ответа, а опаловые глаза пристально смотрели на меня. - Вообще обо всем, что тебя заботит, - твердо добавил он, и этот тон не терпел возражений.

-В каком смысле обо всем? - мой взор наполнился неприкрытым удивлением.

-В прямом. С самого дня нашего знакомства ты выглядишь очень озабоченной и нервной, и я абсолютно уверен, что это не черта характера. Потому что когда мы шутим на уроках или делаем очередное домашнее задание в мастерских и ты забываешься, от этой взвинченной девушки не остается и следа. Кроме того, ты крайне умна и образована. И дураку понятно, что ты знаешь, что такое усердный труд и ценность времени, что совершенно не вяжется с образом безответственной засони. Это значит только одно - тебя что-то безмерно беспокоит, и я хотел бы знать что. А теперь пошли, - он протянул мне свою грубую большую руку.

Я лишь кивнула, не найдя слов для ответа, и обхватила его крупную шершавую ладонь своей. Но стоило мне только опереться на ноги и попробовать встать, как колени подкосились, а голова пошла кругом, и мое тело снова обмякло на руках у Янника.

-Видимо, побочный эффект телепортации, - пожаловалась я еще хриплым голосом.

-Что ж, значит выход остается только один, - не успев договорить, юноша мигом подхватил меня на руки и поднялся с земли.

Виртуозно выловив свою латунную карту из кармана форменных брюк, он ловко приложил ее к гидроядру. Створки металлической двери распахнулись, пропуская нас внутрь. Янник широкими шагами направился прямиком к нужной аудитории, минуя винтовую лестницу и лифтовые шахты. Каменные стены кольцевого коридора стремительно проносились у меня перед глазами.

Янник вихрем вошел в кабинет, все еще крепко прижимая меня к себе. В этот самый миг под сводами аудитории запульсировал гулкий, чистый звук мана-кристалла.

-Мы успели, - с улыбкой, полной облегчения, прошептала я лишь одними губами.

Вместо тесных рядов здесь тянулись бесконечные общие парты, за которыми студенты сидели плечом к плечу. Янник, не сбавляя шага, направился к самому дальнему краю. Он бережно, но невероятно быстро опустил меня на место за конторкой за сидевшими прямо передо мной Маркусом, Игнисом и Беатрис.

-Ну, привет, - с кокетливой ухмылкой произнесла она, попутно убирая с лица светло-рыжие кудри. - Очень эффектное появление, Лия. - Беатрис пихнула сидящих по бокам от нее ребят, и те закивали в такт словам подруги, выражая согласие.

-Это не то, о чем вы все подумали, - сдавленно, едва слышно пробормотала я, поправляя пиджак, пока мой спаситель уже сам бесшумно скользнул на соседний стул, стараясь слиться с окружением.

-Серьезно? На руках? Райз, ты бы ей еще кристаллический мобиль к аудитории вызвал, - донесся язвительный шепот Игниса под угасающий звук мана-камня.

Он обернулся, сверкнув хитрыми глазами, и тут же получил ощутимый тычок в бок от своей соседки по парте. Беатрис неодобрительно качнула головой, призывая свою пассию к порядку.

Между этими двоими искрило с самого первого дня. Если Беатрис была воплощением солнечного света, то Игнис - квинтэссенцией бунтарства и острого языка. Их отношения, начавшиеся с веселого вечера в Старой Мануфактуре, за последние шесть недель превратились в нерушимый союз. У всей академии они вызывали одновременно и зависть, и желание пересесть на другой ряд подальше от их постоянных поцелуев на перерывах. Они с первой минуты закрепили за собой статус «той самой парочки», которую невозможно представить порознь.

У нас же с Янником всё было иначе - тише, сложнее и… детальнее. За эти недели мы привыкли друг к другу. Проводили долгие часы за домашними заданиями, где он молча сносил

мои вздохи над ненавистным черчением и точным движением перехватывал перо, исправляя кривые линии на пластине. Когда мы задерживались допоздна, Янник провожал меня до дома - молчаливый, сосредоточенный, неизменно держащий дистанцию в полшага. Ему приходилось возвращаться назад в общежитие, но на мои робкие протесты он лишь сухо качал головой.

Все это, разумеется, подпитывало слухи о нашем романе. Но мы упорно балансировали на грани, которую никто из нас не рисковал переступить. Попытки Игниса и Беатрис нас сосватать терпели сокрушительные неудачи: мы слишком дорожили этим хрупким, еще не названным комфортом, чтобы разрушить его одним неосторожным шагом.

-Иллитрия, это что же, Янник у тебя за личный транспорт? - не унимался кто-то с соседнего ряда, вызывая волну приглушенных смешков.

Янник даже не повел бровью. Его грубая большая рука демонстративно легла на спинку моего стула. Я вздрогнула от удивления.

-На вашем месте я бы сидел молча, - бросил он, даже не глядя в сторону шутников.

В кабинете воцарилась звенящая тишина. Преподаватель, застывшая у массивной кафедры, медленно опустила очки на кончик носа. Ее взгляд - холодный и проницательный, искоса оглядывающий всех присутствующих, - вдруг замер на нас. Она не произнесла ни слова, лишь задержала взор на моей взлохмаченной прическе.

-Раз уж личные драмы героев завершены, - проскрежетала она, и в кабинете стало так тихо, что было слышно мерцание мана-ламп, - предлагаю вспомнить, ради чего мы здесь собрались. Начнем урок истории.

Профессор Торк по своему обыкновению зашагала взад и вперед, сложив руки на груди в замок. Ее сухая, чуть сгорбленная фигура и строгий цепкий взгляд наводили ужас на весь первый курс.

-Кто из вас, - голос Торк прозвучал подобно треску сухого пергамента, - способен внятно изложить причины исхода из лесов? Того самого момента, когда наши предки, родоначальники техномагии, впервые сжали в руках не посох, а гаечный ключ?

Она резко остановилась прямо напротив нашей парты. От нее пахло старой медью и озоном. Маркус замер. Беатрис втянула голову в плечи, внезапно утратив весь свой задор, а Игнис, напротив, выпрямился, готовый в любой момент принять удар на себя. Я же чувствовала, как ладонь Янника на спинке моего стула едва заметно напряглась. Это мимолетное движение странным образом придало мне сил, хотя сердце всё ещё колотилось о рёбра.

-Быть может, наша юная путешественница, прибывшая столь… эксцентричным образом, просветит нас? - Торк прищурилась. - Расскажите нам о рождении Волтариса, мисс Костер?

Я ощутила на себе десятки взглядов. Беатрис впереди затаила дыхание, а Игнис едва заметно обернулся, сопереживая. Янник чуть подался вперед, готовый ответить за меня, но я легонько коснулась его колена под столом, останавливая. Это был мой бой, и я не собиралась прятаться за его широкой спиной, когда Торк уже выставила прицел.

-Волтарис возник сто пятьдесят шесть лет назад, - мой голос поначалу дрогнул, но быстро окреп. - Изначально, это был акт… - я сделала паузу, подбирая слова, - отчаяния, а не прогресса. Когда леса были отравлены и природа перестала делиться магией, у людей не осталось выбора. Им пришлось сжигать то, что они когда-то боготворили, - лесные чащи, чтобы высвободить энергию и выжить. Это был Великий пожар. Так родились первые механизмы. Так техномагия заменила шепот листвы на гул мана-кристаллов, котлов и двигателей. И хотя мы продолжаем пользоваться природной магией, так как она по-прежнему является основой нашего мира, нам больше не надо спрашивать разрешения: теперь мы берем ее силой. - Я запнулась, но в конце добавила: - По крайней мере, так гласит информация в общедоступных кристаллах-носителях и старых экземплярах книг… Жаль только, что официальные хроники не зарагивают неидеальность получившейся системы. Ведь если раньше люди были равны, то сейчас процветает классовое неравенство.

Торк медленно кивнула, продолжая шагать взад и вперед.

-Верно. Пока ортодоксы продолжают цепляться за два последних пустеющих города природников - Флорус и Теллус, медленно угасая в невыносимых условиях, мы выбрали путь огня и металла. А определенные различия в иерархии позволяют индустриальным гигантам в лице Когвила, Механтара, Вента и Коальтового архипелага обеспечивать наше существование и развитие. Мы не можем остановить прогресс ради жалости. У каждого есть возможность пробиться сюда, прямиком на ваше место, Иллитрия. Пользоваться ей илии нет – решение отается за гражданином. И на вашем месте, я бы не озвучивала все, что приходит вам в голову.

В кабинете стало так тихо, что слышно было лишь прерывистое дыхание Маркуса. Угроза Торк повисла в воздухе тяжелым осадком. Она взмахнула рукой, и мана-лампы под потолком вспыхнули, проецируя в воздух чертежи первых механических очистителей.

-Запишите тему: «Выживание. Первый инженерный прорыв». И если кто-то еще раз решит войти в мой кабинет таким образом, - она исподлобья глянула прямо на меня, - я прослежу, чтобы его следующее перемещение закончилось в тех самых отравленных землях, о которых мы говорим.

Я почувствовала, как по залу пробежал шепот, но он затих, едва Торк сделала шаг в мою сторону. Моя рука под столом непроизвольно сжалась в кулак, впиваясь ногтями в ладонь. Весь мой напор вдруг сменился чувством неуверенности. Перед глазами, перекрывая чертежи, вспыхнул образ из сегодняшнего сна: бескрайнее море зелени, наполненное чистым, не отравленным гарью воздухом. Там лес не был мертвым. Он дышал, пока не пришел сметающий все на своем пути пожар.

-Профессор… - Мой голос прозвучал тихо, почти надломленно, лишившись недавней твердости. - А что, если… Что, если сведения летописцев не совсем точны? Нам говорят, что природа «не хотела делиться», но разве… Разве дерево может просто захлебнуться ядом само по себе? Может быть, мы просто перестали слышать его раньше, чем зажгли первый факел?

Я осеклась. Мне хотелось крикнуть о том, что я видела - о живом, вибрирующем разнообразными звуками лесе, о белом пушистом кролике, беззаботно прыгающем вдоль исполинских корней, выедая самую молодую свежую траву. О месте, которое не имело ничего общего с теми черными скелетами деревьев, что нам показывают. Но я вовремя прикусила язык. В академии техномагов за такие «видения» можно было легко оказаться не у дел.

Торк замерла. Очки-линзы сверкнули, скрывая её настоящие глаза, и на мгновение мне показалось, что передо мной не человек, а само воплощение Волтариса - холодное, стальное и не знающее жалости.

-Летописи пишутся выжившими, студентка, - сухо отрезала она, но в её голосе уже не было прежней стали, скорее, усталость. - Сомнения - это признак живого ума, но не позволяйте им превратиться в ересь. Факты говорят сами за себя: Волтарис стоит, а леса - мельчают.

Я медленно опустилась на стул, чувствуя себя так, словно из меня выкачали всю энергию. Янник, всё это время хранивший молчание, осторожно подвинулся ближе. Его плечо коснулось моего, и это мимолетное тепло немного уняло дрожь в коленях. Он ничего не спросил, но я видела, как он внимательно следит за выражением моего лица.

Беатрис впереди снова обернулась. Её златовласая голова была слегка наклонена набок, а в глазах читалась странная тревога. Она явно хотела что-то сказать, но Игнис крепко сжал её ладонь, удерживая на месте.

Я пригнулась к своей стальной пластине, крепко сжав в руке свинцовое перо и делая вид, что усердно записываю лекцию, хотя строчки плыли перед глазами. Я не могла отделаться от мысли: если весь наш мир - это лишь надстройка над братской могилой вековых дубов и несогласных, то какой финал ждет весь этот механизм, когда догорит последнее дерево?

Глава 5.

«Кристаллы парной коммуникации – это устройства связи, созданные путем раскола единого ядра. Будучи разделенным на две половины, монолит сохраняет общую память. Любой импульс, поданный на один осколок, мгновенно вызывает зеркальную вибрацию во втором, независимости от расстояния между ними. Это обеспечивает абсолютную изоляцию канала от внешнего вмешательства».
- Из «Энциклопедии Первого Синтеза» Том 1.

-Итак, студенты, на сегодня можете быть свободны, - хриплым после целого дня лекций голосом объявил мистер Ривет - профессор по черчению.

Выбор крайнего места в ряду у двери помог мне максимально быстро ретироваться. Я ловко, одним движением руки, смела с парты все письменные принадлежности, даже не очистив пластину от свинца, прямо в открытую сумку. Она звякнула о флаконы, покоящиеся на дне, и я лишь уповала на то, чтобы они остались целыми.

-Коррозия меня заешь! И как мне теперь ее отмывать? - проскользнула в голове мысль, но тут же затихла.

В эту секунду первостепенной моей задачей было убраться подальше из академии, пока друзья не одолели меня вопросами. Все восемь часов занятий они многозначительно поглядывали на меня, не смея начать диалог в ожидании более подходящего момента.

Тяжелые дверные створки аудитории захлопнулись за моей спиной, отсекая гулкий скрежет свинцовых перьевых ручек. Я сделала вдох, надеясь хотя бы на глоток свежего воздуха, но мои легкие обожгла все та же металлическая взвесь, запах гари и приторно-едкий аромат химических растворителей, которые, казалось, въелись уже в саму кладку стен.

Тревога, с которой я открыла глаза сегодняшним утром, снова разрослась в груди липким комом. Сказанное мною и профессором Торк на лекции по истории не укладывалось в голове, наслаиваясь на видения из сна и превращая мысли в сплошной беспорядочный мусор. Я едва замечала идущих навстречу студентов, ускоряя шаг настолько, насколько это было возможно. Я хотела затеряться в хаотично разбросанной по коридору толпе первокурсников и как можно скорее оказаться за воротами академии.

Но как бы я ни спешила, как бы ни пыталась ретироваться от липких расспросов друзей, от этого мира техномагии убежать было невозможно. Он был не просто вокруг - он был во мне.

За толстой каменной кладкой кольцевого коридора пульсировал город, и я чувствовала его ритм подошвами ботинок. Там, снаружи, улицы задыхались в маслянистом дыму, зажатые между гудящими цехами и мастерскими. Погодный кристалл, закрепленный на самом острие железного шпиля центральной цитадели, неустанно выжигал смог, делая небо над академией безупречно чистым, но мертвенно-серым. Эта рукотворная чистота была обманчива. С пугающей ясностью я понимала: того воздуха из моего сна я не вдохну здесь никогда. Там он был живым, невесомым и пронзительно-настоящим, он наполнял грудь до самых краев, не оставляя на языке металлического привкуса. Здесь же даже идеальная погода пахла влажной ржавчиной и дымом самокруток из синтетического табака.

Сбивчивым шагом я почти добралась до выхода. Буквально несколько метров отделяли меня от громоздких башенных дверей. Тело обдавало мелкой дрожью, мне было жизненно необходимо выбраться из окружения этих давящих стен. Но не успела я выловить латунную карточку из кармана, как мое бледное запястье, где в бешеном ритме заходился пульс, перехватила чья-то ладонь.

-Лия! - воскликнула Беатрис запыхавшимся голосом.

Она бежала за мной через толпу, расталкивая всех снующих зевак перед собой. Глаза ее были наполнены искренним волнением и недоумением, она вопрошающе смотрела на меня, все еще держа мою руку.

-Я понимаю, что учеба здесь никому не дается легко, пусть даже мы с тобой и имеем определенные привилегии по праву своего рождения. Я понимаю, что усталость дает о себе знать, и принимаю то, что ты можешь быть более раздражительной и беспокойной, хотя мне казалось, что это вообще не свойственно твоему характеру. Но, Лия, сварка мне в глаза! Тебя что, замкнуло? - она уже практически перешла на крик, произнося ругательства в мой адрес.

-В каком смысле? - я подняла на нее взгляд и заторможено захлопала глазами, будто действительно не понимала, что она имеет в виду.

-В каком смысле? Лия! Да болтом тебя по голове! Ты посмела выразить хоть каплю сомнения в нашей истории в кабинете профессора, который ее преподает. Да к тому же Торк, один взгляд которой вгоняет в ужас! Да она же сама как механизм, ей будто чуждо все человеческое. Ее заботят только строгие и сухие факты, которые должны отскакивать от наших зубов, даже если нас поднимут посреди ночи, - золотые кудри Беатрис бешено подскакивали на ее плечах в такт бурной жестикуляции.

-Эй, ты чего! - я легко улыбнулась и коснулась плеча подруги, успокаивающе его поглаживая. - Тон у тебя, конечно, такой, будто я учинила какое-то восстание прямо посреди лекции. Это было просто рассуждение и не больше. Впрочем, профессор Торк не так уж плохо отреагировала, даже подметила живость моего ума, если ты не забыла. Ее больше возмутило мое эксцентричное появление в аудитории, чем мимолетное предположение о возможной неточности исторических фактов.

-Ох, Лия! Ты просто пугаешь меня последнее время, и судя по твоему пульсу, - она чуть сдавила большим пальцем мое запястье, напоминая о том, что все еще держала его, - напугана сама.

-Беатрис, я правда ценю твою заботу. И, честно говоря, сама бы места себе не находила, заметь я в твоем поведении что-то неладное. Но со мной всё в порядке. Я просто устала, а пульс - это всего лишь кофе. - я еще раз улыбнулась в надежде на то, что мое бодрое расположение духа станет достаточным аргументом для того, чтобы подруга перестала меня допрашивать.

-Кофе? - брови ее удивленно взмыли вверх, рисуя на лбу несколько глубоких морщин. А недоверчивый взгляд вперился в меня, будто пригвождая к каменной кладке за моей спиной.

-Да, это все синтезированные зерна, которые отец вчера притащил из лаборатории. Экспериментальный образец. Наши агрономы вновь от всей души поделились с папой своими наработками. Кажется, между собой они называют этот новый сорт «мазут» или что-то в этом роде. И вправду, когда я его заварила, в кружке он больше походил на нефть: пах жженым сахаром и жгучим маслом. Они собираются выдавать его ведущим инженерам для повышения продуктивности, - я сделала глубокий вдох, стараясь выглядеть убедительно, - но, похоже, мой организм не оценил прогресса. Конечно, он придал мне сил, чтобы практически закончить вчера конспекты, но спустя двенадцать часов сердце частит так, будто я сама превратилась в двигатель. Мне просто срочно нужно на воздух, чтобы эта химия выветрилась из крови.

-Ох, Лия... Вечно твой отец тащит в дом всякие недоделки. Тогда скорее беги! Но обещай, что расскажешь мне предысторию того, как ввалилась в лекционный зал на руках Райза. И… извини меня, я просто запереживала, - Беатрис сочувственно поморщилась, но во взгляде ее уже читалось облегчение.

-Обещаю, - я потянула подругу в объятия и только сейчас заметила, что в нескольких метрах у подножья массивной винтовой лестницы замерла в ожидании остальная часть нашей компании.

Игнис, как обычно, не мог стоять спокойно. Даже сейчас, в душном коридоре, он ухитрялся подбрасывать в воздух свою латунную карточку, ловя ее с виртуозной небрежностью.

Рядом с ним, словно его полная противоположность, застыл Маркус. Тихий, надежный и всегда немного меланхоличный, он напоминал хорошо отлаженный, бесшумный механизм. Его спокойствие действовало на меня как заземление. Он просто стоял, скрестив руки на груди, а его мягкий взгляд говорил: «Я здесь, если тебе понадобится опора».

И чуть в стороне, прислонившись к холодному камню стены, расположился Янник. Он не переминался с ноги на ногу и не играл с вещами. Его рассудительность всегда одновременно восхищала и пугала меня своей глубиной. Янник обладал редким даром: он умел смотреть не на тебя, а вглубь тебя. Пока остальные вместе с Беатрис с облегчением выдохнули, явно слыша каждое наше слово, моя ложь про экспериментальный кофе разбилась об его спокойный, аналитический взгляд, как стеклянная колба о пол лаборатории.

Я легко отстранилась от подруги, еще раз оглядев ее с ног до головы и убедившись, что волна тревоги, накрывшая ее десять минут назад, когда я пыталась ускользнуть из аудитории, полностью отступила.

-До завтра? - я убрала с ее лица светло-рыжую кудрявую прядь.

-До завтра, Лия! - она еще раз коротко прижала меня к себе и направилась к юношам, махая мне рукой.

-Всё, ребята, мне правда пора! - обратилась я к парням, стараясь не смотреть в глаза Янника, и отзеркалила жест Беатрис. - Надеюсь, я быстро проветрюсь после этого злосчастного «мазута» и смогу прогуляться до лавки за новым флаконом очистителя!

Я развернулась и сделала несколько стремительных шагов к дверям, чувствуя на спине облегченные взгляды Игниса и Маркуса. Еще секунда - и тяжелые дверные створки отделят меня от их волнений и духоты академической жизни.

-Лия, подожди! - спокойный тон Янника заставил меня замереть на месте.

Я медленно обернулась. Он уже оттолкнулся от стены и теперь неспешно шел в мою сторону, не вынимая рук из карманов форменных брюк.

-Ты забыла, - он остановился в паре шагов от меня, а его глаза наполнились эмоцией, которую я не смогла расшифровать. - Профессор Ривет просил передать тебе спецификации. Это для дополнительного задания, которое тебе нужно сдать до конца этой недели. Он сказал, что очень доволен твоим прогрессом и хочет, чтобы у тебя была возможность попрактиковаться и догнать десятку лучших в группе. Но ты упорхнула из аудитории раньше, чем он успел отдать их. - Янник протянул мне свой личный мана-носитель, и моя бровь изогнулась от удивления. Я вытаращилась на него взглядом, полным замешательства.

Беатрис за моей спиной хихикнула:

-Ну вот, Лия, расплата за твой побег. Ривет тебя из-под земли достанет со своими чертежами.

Янник едва заметно кивнул друзьям, словно отпуская их.

-Идите, я догоню. Мне все равно нужно обновить наконечники для пера, нам с Лией по пути.

Я стояла как вкопанная, сжимая в руке латунную карту. Я знала, что Ривет ничего ему не передавал. Носитель был его личным: на нем либо хранились конспекты юноши, либо он вообще был пуст. Это был «шах и мат» в его исполнении. Ребята, весело переговариваясь, двинулись в сторону учебной мастерской, и как только их шаги затихли в глубине кольцевого коридора, Янник подошел вплотную.

-Ловко ты, конечно, это придумал, - я покрутила кристалл между пальцами правой руки, понимая, что маневров для отступления от этого разговора у меня не осталось. - Но что теперь?

-А теперь, - тихо произнес он, и его голос стал холодным, - расскажи мне, что за «мазут» на самом деле разъедает твою голову, Лия. Потому что в эту сказку про папин кофе я не поверил бы, даже если бы сам его обжаривал.

-Тогда тебе и вправду придется проводить меня до лавки, - я потрясла перед ним сумкой, в которой забренчали осколки стекла, - потому что мне действительно нужен новый очиститель.

Я замолчала, пытаясь унять беспорядочный бег мыслей. «Я хочу довериться ему, иначе просто сойду с ума... Но стоит ли…? Хотя, пора перестать притворяться, что у меня вообще осталось право выбора. Эта иллюзия - паршивая вещь. Она как забор, который мы возводим вокруг себя, чтобы не видеть, что дорога всего одна.»

Подавшись вперед, я быстрым, почти воровским движением опустила носитель в карман форменного пиджака Янника и развернулась к выходу. Но не успела сделать и шага - его тяжелая ладонь обхватила мой локоть. Я застыла.

-На улице ходят патрули, любая мастерская или библиотека сейчас переполнены, - юноша подошел еще ближе ко мне и зашептал прямо на ухо. - А я бы предпочел более интимную обстановку. Нам нужно наверх.

На мгновение щеки мои вспыхнули ярким румянцем, а сердце заколотилось еще сильнее от такой близости, грозясь выпрыгнуть из груди.

-Что ты имеешь в виду? Куда наверх? - робко поинтересовалась я, пытаясь высвободить руку.

Но он не отпустил, а лишь мягко потянул меня за собой к массивным дверям подъемника.

-На этаж ректора, - невозмутимо ответил Янник.

-Тебя что, замкнуло?! - я едва не споткнулась. - Там даже находиться запрещено без вызова!

Он нажал на кнопку, и створки лифта с тяжелым скрежетом поползли в стороны. Мы шагнули в просторную кабину, пахнущую озоном и старой медью. Когда лифт плавно и медленно пополз вверх, Янник наконец отпустил мой локоть и прислонился спиной к металлической панели, наблюдая за легким голубым мерцанием мана-камня, вмонтированного в пол.

-Расслабься, - он посмотрел на меня с той самой спокойной проницательностью, которая всегда заставляла меня чувствовать себя прочитанной книгой. - По вторникам здесь тише, чем в колумбарии. Наш ректор, между прочим, сильный профессор акустической магии. И в эти дни он лично гоняет старшекурсников этого направления на полевых испытаниях. Уходит на целый день.

-Откуда такая уверенность? - я недоверчиво прищурилась, прижимая сумку к груди.

-Один мой знакомый из Вента сейчас на третьем курсе. Мы пересеклись в общежитии, и он битый час жаловался на эти «вторники выживания». Я проверил его слова на прошлой неделе: на это время с этажа исчезают даже смотрители. Они терпеть не могут ворчание старика, когда тот возвращается к вечеру злым и вымотанным, поэтому стараются не попадаться ему на глаза.

Лифт замер, камень потух, а двери разошлись, открывая вид на широкий пустой коридор. Здесь не было ни души. Шаги Янника по плитке звучали уверенно, без тени малейшего страха. Я же кралась за ним на цыпочках, чувствуя, как заходится мое сердце, проходя мимо дверей к ректорскому кабинету.

-Видишь? Никого, - он остановился в эркере в конце коридора, из которого открывался панорамный вид на всю академию. - И теперь я очень надеюсь, что ты мне доверишься.

Я глубоко вдохнула, чувствуя, как прохладный воздух эркера немного остужает горящие щеки. Янник стоял совсем рядом - настолько, что я практически чувствовала его дыхание кожей. Скрывать что-то дальше в этой звенящей пустоте казалось почти невозможным.

-Ладно, - выдохнула я, крепче сжимая ремешок сумки. - Начнем с того, на чем ты меня подловил?

Губы мои поползли вверх в надежде, что немного каламбура сможет разрядить скопившееся в воздухе напряжение. Янник действительно усмехнулся, оценив двусмысленность фразы, но его опаловые глаза все еще требовательно глядели на меня в ожидании ответа.

-Последние несколько месяцев, с самого совершеннолетия, я просыпаюсь в холодном поту, с бешено колотящимся сердцем, будто видела кошмар, но в голове - пустота. Только липкий страх и волнение, которые невозможно унять. Но сегодня я провалилась в другой мир. Там всё было живое, пахло хвоей и влажной почвой. И там была мама…

Я запнулась, чувствуя, как к глазам подступают слезы.

-Я ведь её почти не помню, Янник. Но там она была такой настоящей… Она выглядела так, словно и была этим лесом. Мама взяла меня за руку и повела через чащу, хотела мне что-то показать, но вдруг начался пожар. И не обычный, а точно магический, ведь такой неумолимый огонь я видела только от стихийных мана-кристаллов. Мы бежали, пытались спастись, но она потеряла сознание от гари и копоти, а когда ненадолго очнулась, взмолила саму природу меня укрыть… Образы выцвели, и я открыла глаза. Но этот сон… Он был четче, чем всё то, что окружает нас сейчас.

Я наконец подняла на него глаза, ища в его лице хоть каплю насмешки, но встретила лишь сосредоточенное внимание. В эркере стало так тихо, что я слышала собственное участившееся дыхание.

-Скажи, что я не совсем слетела с резьбы, - прошептала я, пытаясь унять поток эмоций, накативший с новой силой.

Янник медленно перевел взгляд с панорамы академии на меня. Он не спешил с ответом, будто взвешивал каждое слово перед тем, как его озвучить. Но сейчас его проницательность не пугала, а скорее дарила странное чувство спокойствия и защиты.

-Ты не слетела с резьбы, Лия, - он наконец повернулся ко мне, и в полумраке эркера его опаловые глаза казались почти серыми. - Ты права насчет Торк. Про нее ходят разные слухи, которые, конечно, достигали и моих ушей тоже. Правда, ты пока первая, кто их озвучил. Но учитывая то, что ты выросла в доме Аурума Костера, твой разум интуитивно ищет логику там, где система подсовывает нам удобные сказки.

Он сделал шаг ко мне, сокращая расстояние до минимума.

-Насчет смотрителей все немного сложнее. Понимаешь, Лия, внутри академии мы - лишь необходимые винтики. А за ее пределами - потенциальное оружие и ресурс. Но именно здесь собираются лучшие умы техномагического мира, которые проще всего настраивать лояльно системе и контролировать еще на этапе обучения. Они просто следят, не начнет ли кто-то из нас думать самостоятельно. Тот смотритель в баре не заливал в себя пойло, Лия. Он ждал, когда кто-то даст осечку.

-Откуда ты это знаешь? - я посмотрела на него глазами, полными удивления, пытаясь разглядеть за его спокойствием хоть толику сомнения.

Но Янник лишь едва заметно улыбнулся, глядя на свои огрубевшие руки.

-Я же вырос в Венте, Лия. Окраинные города - это не только тяжелый труд. Там техномагия - это не красивые лекции в академии, не ровные ряды высотных зданий и не стальной лоск центра, где инженеры свято верят в то, что делают огромный вклад в развитие каждый день. Это грязные улицы с разбитыми дорогами, стычки с магами природы, которые тщетно пытаются отбить занятые нами естественные месторождения мана-кристаллов, ржавые трубы и вечный запах озона от неисправных механизмов. И когда ты находишься так далеко от сердца системы, будучи в самом притесняемом в техномагическом мире слое населения, не считая разве что самих природников, тем глубже видишь суть. Ведь чем дальше отходишь от красивой картинки, тем меньше рябит в глазах. И они это понимают.

Янник вдруг замолчал, продолжая смотреть на меня тем глубоким, проницательным взглядом, который больше не казался мне изучающим. В нем на секунду вспыхнуло волнение,

но затем тут же уступило дорогу соучастию. Его слова все еще эхом отдавались в моей голове, заставляя мир казаться декорацией. Я подошла к нему еще ближе, почти вплотную, так, что могла почувствовать запах его кожи. Янник медленно поднял руку. Его пальцы едва коснулись моей щеки - осторожно, словно он боялся, что я исчезну, как мое утреннее наваждение. Я вздрогнула от этого легкого прикосновения, но не отступила, все еще выжидающе глядя на юношу.

-Но твой сон… - Его голос стал низким, вибрирующим где-то у меня в груди. - Я понятия не имею, что это значит, Лия. Он не вписывается ни в какие мои знания и представления об этом мире. Но я обещаю, что помогу тебе разобраться в этом. Ты стала мне очень дорога, Лия. Слишком дорога, чтобы я позволил этой системе сломать тебя.

Я почувствовала, как тяжесть переживаний, мучавших меня последние несколько месяцев, наконец отступает, сменяясь странным чувством спокойствия, тепла и доверия. Я смотрела в его светлые глаза, и мир вокруг - с его угрозами и слежкой - перестал существовать.

Напряжение между нами стало почти осязаемым. Я всё еще чувствовала горячие, шершавые кончики его пальцев на своей щеке и невольно поддалась навстречу, прижимаясь лицом к его ладони. Сердце затрепетало вновь, но уже не от груза тревог, а от нежности, с которой Янник притянул меня к себе так близко, стирая последние шаги разделявшего нас пространства, что его теплое дыхание ласкало мое лицо.

Я обвила пальцами обеих рук широкую шею юноши, ощутив, что и его пульс пустился в быстрый беспорядочный бег. Мы задышали в унисон. Я рассматривала каждый перелив - голубой, зеленый, золотой в его опаловых радужках. Изучала каждый завиток его кудрей, каждую едва заметную морщинку в уголках глаз, каждую родинку так, словно видела его в первый раз. Момент застыл, растягиваясь в вечность.

Янник медленно склонил голову, и мир сузился до одного-единственного дюйма. Я уже чувствовала кончиками губ его горячее дыхание с нотками синтетического табака. Я подалась вперед, инстинктивно приподнимаясь на цыпочках, желая наконец разрушить эту последнюю преграду между нами, превратить иллюзию в реальность.

Но вдруг, внезапный металлический лязг разрезал тишину, как удар кнута. Створки двери ректорского кабинета мучительно медленно поползли в стороны.

Глава 6.

«Инженерная заметка. Любой кристалл, созданный в стенах академии методом техно-синтеза, является лишь копией природного источника энергии. Искусственный камень требует колоссальных затрат маны в процессе заряда и выгорает изнутри в разы быстрее. Для стабильного питания таких гигантов, как Волтарис, Техум и Авендор, системе жизненно необходим прямой доступ к природным ресурсам.»
- Из архива отдела по оптимизации ресурсов.

-Пригнись! - настойчиво, но невероятно тихо прошептал Янник, резко опускаясь на корточки вместе со мной.

Левая рука его все еще лежала у меня на талии, а правая быстро перескочила со щеки к губам. Я уже открыла рот, готовая закричать, но его палец, грубо прижатый к моим устам, заставил меня проглотить слова.

Полоска света из ректорского кабинета медленно расползлась в стороны, освещая погрузившееся после захода солнца в полумрак пространство. Сердце заколотилось так сильно, что каждый его удар болью отзывался в груди. По телу пробежали мурашки. Мы с Янником вжались в самую глубину эркера, лишь бы тени предательски не выдали нас. Он впечатался в меня так сильно, что стал живым демпфером, поглощая одолевавшую меня дрожь.

Спустя мгновение, долгое и тягучее, в дверном проеме показался не один, а целых два мужских силуэта. Они шагнули ближе, выходя за порог на свет. Тишину коридора разрезал беспечный, чуть ленивый смех.

-Признай, Вал, эти мягкие кресла куда удобнее металлических скамей. Мой старик определенно знает толк в комфорте, - юноша иронично хмыкнул, поправляя воротник.

Слова незнакомца повисли в звенящей тишине эркера, но мой разум словно застыл, отказываясь обрабатывать информацию. «Мой старик…». Эта фраза пронеслась в голове один раз, второй, третий, прежде чем пазл окончательно, с грохотом сложился.

Я почувствовала, как Янник, сидевший ко мне вплотную, окаменел. Его пальцы, застывшие на моей талии, будто превратились в холодные стальные тиски. В этой мертвенной зыби я почти физически чувствовала, как шестеренки в наших головах проворачиваются с натужным скрипом, прежде чем ударить нас ледяным осознанием, от которого хотелось провалиться сквозь выложенный керамической плиткой пол.

Сайрус Квинт. Внук ректора.

Эта мысль накрыла меня волной тревоги, но затем пришел и второй удар. Если тот, кто пониже - Сайрус, то второй силуэт в проходе, застывший в дверях со всей своей хозяйской грацией и толикой пренебрежения, мог быть только одним человеком.

Валерикс Райден.

Имя отозвалось в ушах противным металлическим скрежетом. Вал. Сын магистрата Волтариса. Наша техномагическая элита, те самые одногруппники, что обычно сидели всего в нескольких рядах от нас, лениво рисуя схемы и обмениваясь шутками, пока мы с друзьями до кровавых мозолей выводили свинцовые руны на стальных холодных пластинах. Пусть лиц их было почти не разобрать из-за нашей неудобной позиции, но в их жестах, чертах и голосах безошибочно угадывались наследники целого города.

Удивление окутало меня такой плотной и густой пеленой, что стало трудно дышать. Мы с Янником съежились еще сильнее, что всего секунду назад казалось невозможным. Я пыталась проморгаться в надежде на то, что всё вокруг, весь этот ржавый день, кроме одного-един-

ственного момента, был лишь продолжением моего затяжного ночного кошмара, от которого я никак не могла отделаться.

Но чуда не произошло. Каждый раз, открывая глаза, я все еще видела перед собой напряженное лицо Янника, чувствовала его тяжёлое прерывистое дыхание и частое биение сердца. Мы забились в самый потаенный угол академии, чтобы спрятаться от мира, а в итоге угодили в ловушку. Хуже ситуации было не придумать: мы оказались рядом с теми, кто мог уничтожить нас одним свинцовым росчерком пера по докладной пластине.

Я чувствовала, как грудная клетка Янника коснулась моей спины, и этот контакт был единственным, что удерживал меня от того, чтобы не выскочить из эркера в истерике. Мы замерли, превратившись в две непоколебимые статуи, пока Валерикс Райден - сын человека, который распоряжался жизнями всех техномагов Волтариса, - сделал шаг в нашу сторону.

-Комфорт комфортом, но если нас здесь застукают, даже наше родство не поможет избежать выговора вплоть до наказания, - отозвался Вал, чуть помедлив с ответом. Его голос, холодный и сухой, был хорошо знаком всей академии. Сын магистрата никогда не скрывал своего презрения к тем, кто стоял ниже него по статусу.

«Тогда с вами бы хоть раз поступили по справедливости» - пронеслось у меня в голове, а рука сжалась в кулак, впиваясь в ладонь ногтями. Янник заметил этот жест и аккуратно накрыл мою кисть своей, успокаивая.

-Ой, брось, кто нас застукает? - Сайрус небрежно махнул рукой. - Дед сейчас занят, гоняя старшекурсников. А Ривет? Он заикается, когда ты просто проходишь мимо. Завтра поставим ему бутылочку голубого спирта из личных запасов деда, - он потряс перед Валериксом массивным, заполненным до краев штофом, - и наш глубокоуважаемый профессор сам перепишет носитель посещений.

-Да, Квинни, твоя правда, - губы Вала сложились в ироничной ухмылке. - Мы прогуляли всё, кроме злополучной истории. Эта ржавая шестерня Элизабет Торк - единственная, кто не боится сделать выговор даже мне, и сразу накатает жалобу прямиком моему отцу, если меня не окажется вовремя в ее аудитории. И это на первый раз. А он в вопросах моей учебы... Довольно строг. Все время читает мне лекции о том, как важно образование для высокопоставленного человека. Что за вздор? Так что Торк - это вообще единственная причина, по которой я сегодня встал с кровати.

«Вздор - это если такому, как ты, когда-то достанется столько власти. Но я надеюсь, ты никогда не пройдешь экзамен на магистрата». - Я чуть слышно фыркнула от распирающего внутри негодования. Янник посмотрел на меня с укором, но эти двое были так увлечены светской беседой, что едва бы обратили на нас внимание. Тем не менее я кивнула своему напарнику по несчастью в знак извинения и вновь послушно замерла.

Разговор наконец затих. А гулкий, отдаляющийся стук грубой подошвы форменных ботинок дал понять, что юноши удаляются.

-Они уходят! - одними губами прошептала я Яннику.

Сидеть в такой позе, когда на тебя навалился парень, становилось невыносимо. Но спустя всего пару шагов цокот ботинок затих. «Вот же шлак!» - выругалась я про себя.

Валерикс лениво выудил из кармана карту. Они уже не стояли в яркой полоске света, однако ослепительные желтые блики, прыгающие по ключу, буквально кричали о том, что она не латунная, как у нас, - она золотая. Вал задумчиво повертел в пальцах дорогую вещицу и тяжело вздохнул.

-Так не хочется домой. Отец мой сегодня как сорванный клапан, - бросил он через плечо Сайрусу. - Когда я сегодня утром покидал Башню Магистрата, там аж воздух искрил от напряжения. В главном зале собрали ежегодный совет. Даже те, кто обычно не вылезает со своих окраин, примчались: магистраты Когвила, Вента, Механтара и, не поверишь, Кобальтового архипелага тоже.

Я бросила быстрый взгляд на Янника. Его лицо не изменилось: в глазах всё так же читалось напряжение и беспокойство - черты, совершенно ему не свойственные. У меня же брови невольно взмыли вверх от удивления. Отец часто вспоминал, как зачитывал годовые отчеты лаборатории на этих советах, но на моей памяти не было случая, чтобы магистрат собрался в полном составе. Похоже, на повестке дня стояло нечто исключительно важное, и это ощущение окутывало меня тревогой, не дающей вдохнуть сполна.

-Интересно, что же такого произошло, что наши магистраты нищеты подорвались прямиком в Волтарис? - Сайрус усмехнулся, и этот смешок эхом отозвался в пустом коридоре.

-Отец не скрывает, что наши хваленые инженеры синтеза попросту не тянут. Они не способны прокормить кристаллами таких гигантов, как наш город, Техум или Авендор. Нам нужен размах, нужны ресурсы и новые земли под лаборатории уровня Железного Шпиля. Если выстроить их по периметру континента, мы замкнем энергосеть, и снабжать центральные регионы станет в разы проще. К тому же это даст мощный толчок захолустным окраинам. Именно поэтому магистраты сегодня заперлись в зале - пришло время обсудить план расширения границ.

Я почувствовала, как Янник за моей спиной задержал дыхание. Сердце, до этого колотившееся в груди с бешеной силой, как будто остановилось. Удивление на моем лице сменилось гримасой ужаса: я невольно приоткрыла рот в беззвучном крике, но тут же стиснула зубы, вспоминая о том, что мне нельзя издать ни звука. «Пусть это будет не то, о чем я думаю, пусть это будет не то, о чем я думаю, пусть это будет не то, о чем я думаю», - проносилось в моей голове снова и снова.

-Отец проговорился, что расширение больше не терпит отлагательств. План включает в себя зачистку юго-восточного региона, где находится последний оплот природников - Флорус и Теллус, - продолжал Валерикс, небрежно рассматривая свои ногти. - Их территории стоят на самых жирных жилах чистых кристаллов. Зачем нам пытаться синтезировать суррогат, если под корнями их священных дубрав лежат тонны концентрата?

-Они решили просто забрать все силой? - в голосе Сайруса промелькнуло мимолетное сомнение.

-Не забрать, Сайрус, - Валерикс усмехнулся, и в тишине этот звук полоснул по нервам, как металл по стеклу. - Мы называем это оптимизацией ресурсов. Природники веками сидят на сокровищах, которыми не умеют пользоваться. Если, а лучше сказать когда, они согласуют сам план расширения, отец будет предлагать совершить термическую зачистку, как много лет назад, перед тем как первый камень лег в основу фундамента Железного Шпиля. Не останется ни грязи, ни сорняков - только чистая земля для строительства и доступ к почти неограниченным запасам природной энергии.

Валерикс наконец убрал золотую карточку, прошел еще несколько шагов и нажал кнопку вызова лифта. Тихий гул механизмов разлетелся по коридору. Сайрус, чуть погодя, отправился за ним.

Я почувствовала, как тело начало обмякать, мышцы отказывались держать его в устойчивом положении. Если бы Янник не прижал меня плечом к холодному камню ниши, я бы осела на пол.

-Термическая зачистка… Как в сегодняшнем сне! - мой шепот сорвался на еле слышный, совсем неразличимый среди стука подошв хрип. - Они собираются выжечь целые поселения ради… Ради кристаллов маны? Янник, ну это же не просто ресурсы! Там же люди! И пусть природники - дикари, какая разница? Это массовое убийство! Неужели мы все-таки построили этот мир на крови, а не на расчетах и логике?! - тараторила я одними губами, буквально в шаге от того, чтобы захлебнуться криком.

Меня начала бить крупная дрожь. «Я техномаг до мозга костей, я выросла на лекциях о величии нашего прогресса. О том, что когда-то те самые природники - первые техномаги,

не в силах обуздать отравленные леса, уничтожили их, чтобы спастись. За это весь живой мир обозлился на них, перестал делиться магией, но они открыли для себя и для нас инженерию, а затем научились брать силу, не спрашивая. Количество людей, выбравших сторону техномагии, росло, и в итоге Флорус и Теллус остались единственными территориями, где люди захотели дальше пытаться жить в согласии с лесом. Но то, что я сейчас услышала, превращает весь наш «прогресс» в огромную, лязгающую мясорубку. Ведь теперь у меня нет уверенности в том, что тогда, чуть больше ста пятидесяти лет назад, они спасались - они пожелали быть властителями всего живого».

Хотелось выбежать к лифту, закричать, остановить Сайруса и Валерикса, остановить всё это безумие, которое происходило буквально в нескольких сотнях метров от нас, но страх пригвоздил меня к месту.

Янник схватил меня за запястья - его хватка была жесткой, почти болезненной, но именно она заставила меня сфокусироваться. Его лицо было мертвенно-бледным, но взгляд оставался пугающе трезвым.

-Тихо. Дыши, - еле слышно приказал он, вглядываясь в мои расширенные зрачки. - Сейчас не время для истерики.

Голос Сайруса вновь разрезал гнетущую тишину коридора:

-И как ты думаешь, Вал, скоро всё это начнется?

-Нам нужно… Нужно пойти… - Я не успокаивалась.

-К кому? - Шепот Янника был сухим и холодным. - Магистрат - это и есть закон. Если мы высунемся сейчас, нас просто оптимизируют вместе с этими лесами.

-Это ведь еще не окончательное решение, Квинни, - Валерикс небрежно отмахнулся, словно речь шла о незначительной сделке. - Среди магистратов хватает тех, кто сочтет такие методы излишне радикальными. Если сегодня отчет о синтезе их хоть немного воодушевит, совет возьмет паузу. В худшем случае нас ждет повторное слушание месяца через два, а то и через три. Но если лаборатории снова покажут неспособность обеспечить нас достаточным количеством искусственных кристаллов, никакие гуманисты в мантиях в конечном итоге не смогут остановить запуск программы. Мы просто ждем, куда качнется маятник. - Юноши шагнули в открывшиеся двери лифта.

-Ты слышал? - прошептала я, и в моем голосе промелькнула искра надежды. - Если папа представит отчет... Если он покажет, что синтез еще можно наладить, они не посмеют начать геноцид. Он сделает всё, Янник. Он вывернется наизнанку, но не допустит этого безумия.

Я невольно подалась вперед, охваченная внезапным порывом, и это движение стало роковым. Локтем я задела свою сумку, валяющуюся позади меня на полу. Внутри жалобно и звонко звякнули друг о друга осколки разбитого флакона с очистителем. В мертвой тишине коридора этот звук прозвучал как выстрел. Я замерла, боясь даже моргнуть.

-Мы не одни здесь, - Сайрус вздрогнул, оборачиваясь на звук, и его рука потянулась к кнопке блокировки дверей.

-Оставь, - Валерикс небрежно перехватил его запястье, обратившись в темноту коридора. - У каждой стены в этом здании есть уши. Но некоторые из них слишком хрупкие, чтобы выдержать тяжесть правды. Пусть послушают... Пока это единственное, что им остается.

Двери лифта сомкнулись, отрезая его лицо, и кабина с едва слышным гулом устремилась вниз.

Глава 7.

«Директива №73-Н: На период действия режима особой бдительности патрульные службы наделяются временным правом на проведение экстренных допросов учащихся при фиксации избыточного волнения или несанкционированных перемещений. Особые полномочия аннулируются автоматически в момент официального снятия данного режима магистратом».

- Начальник внутренней безопасности Железного Шпиля.

«Вниманию учащихся и персонала академии!

На основании распоряжения магистрата Волтариса и в связи с участившимися случаями нарушения протоколов безопасности вводится режим особой бдительности!

С текущего момента:

-Свободное перемещение по этажам после окончания лекций ограничено;

-Доступ к лифтовым подъемникам верхних уровней возможен только по именным вызовам;

-Служба смотрителей переводится на усиленный режим патрулирования;

-Любое несанкционированное использование магии вне учебных аудиторий будет расцениваться как попытка диверсии.

Помните, порядок - это прогресс. Администрация академии надеется на ваше благоразумие.»

Эти слова, отскакивающие от каменных стен сразу на следующий день после произошедшего, казались нам приговором. Янник даже не взглянул в мою сторону, но я видела, как побелели его костяшки, сжимающие лямку сумки. Мы поняли друг друга без слов: положение - шлак.

Единственным радостным событием для меня стало возвращение отца домой в ту ночь. Я услышала, как ключ с трудом, медленно проворачивается в замке, выдавая его усталость. Когда он зашел на кухню, от него пахло озоном, жженой изоляцией и горьким лабораторным кофе.

Отец молча опустился на стул, даже не сняв форменный пиджак. Я заметила, как глубоко залегли тени у его переносицы, а его руки теперь были покрыты мелкими пятнами ожогов от нестабильных синтетических камней.

Стараясь унять дрожь в пальцах, я поставила перед ним кружку горячего настоя синтехвои, которую наши агрономы изготавливали из искусственно выращенных белков и эфирных масел. Я смотрела, как пар поднимается над темной жидкостью, и понимала: мы все - лишь топливо для этого огромного, скрипучего механизма, который называют прогрессом. Аромат был приятным и напоминал тот, что я встретила в лесу во сне, хоть и был только жалкой его пародией. Вкус же оставлял желать лучшего. Зато бодрила она лучше любого другого средства.

Больше всего на свете, когда отец с характерным скрежетом отворил входную дверь, мне хотелось вцепиться в его плечи и вытрясти всю правду о том, что происходило за закрытыми дверями Магистрата, пока мы с Янником, окутанные пеленой страха, прятались в темном эркере последнего уровня второй башни первокурсников. Но я лишь молча наблюдала, как он трет свои воспаленные от утомления глаза.

-Тяжелый день? - тихо спросила я, присаживаясь напротив.

-Как и всегда в последнее время, - он медленно отхлебнул настой, не глядя на меня, и поморщился. - Но сегодня - особенно.

-Точно, - я перевела взгляд на висевший по правую от меня сторону календарь… Четырнадцатое апреля… - Мое лицо обрамила вполне естественная тень беспокойства.

Но если раньше волнение было связано только с болезненным видом моего отца, то сейчас я тревожилась за бесчисленное количество жизней, повисших на волоске.

-Да, я снова зачитывал ежегодный отчёт собранию Магистрата, - продолжил отец, не замечая перемены в моем лице. - Честно говоря, в этот раз обсуждение вышло на редкость изматывающим. Радует, что к ночи градус напряжения спал. - Он грузно откинулся на спинку стула, ослабил узел галстука и расстегнул верхнюю пуговицу рубашки.

Я внимательно всматривалась в его лицо, пытаясь прочитать ответ в каждой морщинке. Он по обыкновению не собирался делиться деталями. Но по тому, как расслабились его плечи, и по этой редкой, едва заметной тени спокойствия и облегчения в его взгляде, я поняла главное: в этот раз маятник качнулся в сторону мира.

Следующие три недели академия напоминала отлаженный, но смертельно скучный часовой механизм. Мы входили в ритм: подъем для тех, кто жил в общежитии, лекции под присмотром безмолвного смотрителя у дверей, обед в гробовой тишине и возвращение в комнаты или по домам до заката. Мы стали идеальными деталями системы, молясь лишь о том, чтобы наши сердца не стучали слишком громко.

Каждый раз, когда в коридоре раздавался тяжелый ритмичный шаг смотрителя, я замирала, прижимаясь спиной к холодной стене. Мне казалось, что их глаза, полные безжизненного, почти механического безразличия, способны прожечь камень и увидеть мой страх. Один раз я видела, как они выводили студента из параллельной группы на допрос. Его лицо было бледным, а руки безвольно свисали. Никто не спросил: «За что?». Мы просто отводили глаза, изучая трещины на полу.

Весь Железный Шпиль погрузился в тишину. Столовую больше не заполнял гогот первокурсников и бурные разговоры. Единственными звуками, сопровождающими перерывы, стали топот ботинок и звон металлической посуды, эхом разносившийся по просторному обеденному залу. Лекции стали куда серьезнее, без легкого перешептывания и смешков. Только Вал и Сайрус все так же беспечно шутили на занятиях во весь голос, откинувшись на спинки скамей.

Нам с Беатрис пришлось обзавестись дополнительной пластиной, чтобы иметь возможность общаться записями. С Янником же мы были в шаге от того, чтобы создать свой собственный язык жестов, потому как боялись подойти друг к другу ближе, чем на пару десятков метров. Каждый прожитый день вместо успокоения дарил новую порцию тревоги. Казалось, стоит нам расслабиться, и в ту же секунду на нас накинутся смотрители и закуют в чугунные рукавицы. Это ожидание расплаты было мучительнее наказания. Всякий раз, когда наши взгляды с Валериксом пересекались в толпе, я искала в них приговор, но находила лишь ледяное равнодушие.

Трудно было сказать наверняка, остались ли мы неузнанными в тени плохо освещенного ректорского коридора. Но факт оставался фактом: нам с Янником все еще - насколько это было вообще возможно в режиме особой бдительности - позволяли свободно перемещаться по академии. Впрочем, зная натуру Райдена, я не питала иллюзий. Всё это могло быть лишь частью его жестокой игры, в которой он с презрением наблюдает за нашими попытками затаиться. Еще в тот вечер, едва оказавшись в безопасности, мы зареклись вести себя максимально естественно, ограничив общение до самого минимума.

С этого дня между нами выросла безмолвная стена толщиной в несколько футов холодного камня. Янник мастерски справлялся с ролью незнакомца: он проходил мимо, не замедляя шага, его взгляд всегда скользил сквозь меня, словно я была лишь частью интерьера академии. Но я видела, как плотно он сжимает челюсти каждый раз, когда мы оказывались в одном помещении, и это напускное безразличие ранило сильнее открытой вражды.

Я скучала по нему так сильно, что это чувство начало казаться физическим дефектом - чем-то вроде фантомной боли. Ты знаешь, что рука на месте, но не можешь ею пошевелить. По вечерам, закрывая глаза, я раз за разом возвращалась в тот полумрак тесной ниши, где

воздух искрил не от магии, а от нашей близости. Я снова чувствовала жар его ладони на своей талии и то, как его неровное дыхание обжигало мои губы. Тот прервавшийся смехом Валерикса поцелуй оставил нас обоих на краю пропасти. Теперь эта недосказанность жгла меня изнутри, напоминая, что в ту ночь мы едва не переступили черту, за которой уже не было бы пути назад. Но сейчас лишь судорожно сжатые кулаки Янника в карманах его куртки выдавали, что эта игра в прятки дается ему ничуть не легче, чем мне.

Дни тянулись, превращаясь в недели. За все это время чувство тревоги не отпустило меня ни разу. Ощущение слежки и беспомощности давило тяжелым грузом. Я снова не могла нормально спать, подрываясь от каждого малейшего шороха. Но вот сны, мучившие на протяжении нескольких месяцев, больше меня не посещали.

Первые десять дней я безумно переживала по этому поводу, пытаясь анализировать всё вокруг. Мне казалось, что я неправильно засыпаю или думаю слишком много. А может, думаю не о том, о чем нужно? Мысли о скорой расправе, о Яннике, о причинах, по которым я больше могу не увидеть маму, клубились в голове постоянно, с невероятной силой. Да так, что виски готовы были лопнуть от такой перегрузки.

Еще следующие две ночи я выкручивала из настольной мана-лампы кристалл. Ложилась с ним в кровать, крепко сжимая в ладонях, и загадывала снова увидеть то же ночное наваждение. Я хотела вновь встретиться с мамой, спасти ее от всепоглощающего огня. Мне казалось: если взять заряженный камень и очень сильно чего-то пожелать, то в пелене сна я опять открою глаза посреди огромного зеленого леса. Но, к сожалению, в нашем мире магия уже не была чистым волшебством - она стала просто энергией. В конце концов я пришла к выводу, что весь этот морок был лишь предупреждением. А когда опасность миновала, видения растаяли, словно кусочек галлия в теплой руке.

Слава искре, на четвертую неделю после нашего бесцеремонного вторжения на ректорский этаж режим особой бдительности отменили. Количество смотрителей на постах мгновенно поредело, а из академии ушло давящее ощущение постоянного надзора. Проекции с объявлением на стенах снова сменились привычным расписанием, а столовую и коридоры вновь наполнили звонкие смешки. Жаль, что для нас с Янником все оставалось по-прежнему: он все еще сторонился меня с пугающим упорством.

Я шла на урок основ техномагии в компании Игниса и Беатрис. После долгих недель тишины ребята не могли наговориться, смакуя неожиданную свободу.

-Клянусь, если бы мне еще хоть раз пришлось обедать в этой гробовой тишине, я бы начал перестукиваться с соседями по тарелкам, - Игнис увлеченно жестикулировал, едва не задевая прохожих. - Говорят, сам Магистрат признал, что угроза безопасности миновала. Интересно, что они вообще искали?

-Твой здравый смысл, Игнис, - усмехнулась Беатрис, поправляя на плече сумку. - Но, к сожалению, акция не увенчалась успехом. Впрочем, я просто рада, что больше не нужно сдавать на проверку носители каждые четыре часа. Что за фон? Неужели они думают, что студент, который хотел что-то спрятать, будет держать провокационную информацию на своих кристаллах?

-Они не думают, просто исполняют. Ты посмотри, - я махнула рукой в сторону поста, который мы как раз проходили, и продолжила шепотом: - Это не смотрители, а какие-то огромные механизмы, запрограммированные ищейки. Идеальные стражи: ни души, ни совести, ни проблем с поиском запчастей после драки.

-Ого, Лия! Остришь, - Беатрис широко улыбнулась. - Значит, даже у тебя в кои-то веки сносное настроение.

-Эй, говоришь так, будто юмор для меня - это редкость! Я вообще-то люблю пошутить, - я почувствовала неприятный укол самолюбия.

-Справедливости ради, за последний месяц он стал редкостью для всей академии, - заметил с грустной иронией Игнис.

-Зато теперь можно наверстать упущенное, - златовласка повела плечами, возвращая диалог в позитивное русло.

-Ну, тогда… - начала было я, но, не успев закончить фразу, столкнулась у самого входа в лекционный зал с Маркусом, чуть поодаль от которого стоял Янник.

-Эй, Лия, осторожнее, - он аккуратно обхватил меня за плечо своей огромной грубой ладонью. - Неужели ты пережила этот месяц, чтобы в первый же день разбиться?

-Маркус, брось. Ты, конечно, самый крепкий молодой человек из всех, кого я знаю, но это всего лишь грудь, а не бетонная стена.

-Лия, да ты, можно сказать, его сейчас оскорбила, - подключился Игнис. - Раз уж мы встретились здесь все вместе, может, нам пора бы и отметить возвращение к привычной жизни? Как насчет того, чтобы после лекции вместо мастерских заглянуть в Старую Мануфактуру? Мы не были там, кажется, со времен поступления. - Договорив, он по-хозяйски положил руку на плечо Беатрис и окинул всех нас ожидающим взглядом.

-Я в деле! - тут же отозвался Маркус, сложив руки в карманы форменных брюк. - Янник, ты с нами? Или будешь киснуть над чертежами?

-Посмотрим по нагрузке, - коротко бросил он.

Его голос, такой теплый и знакомый в моих воспоминаниях, сейчас звучал сухо, как треск старой ветки.

Ребята продолжали бурно обсуждать планы, подталкивая друг друга к дверям, пока мы с Янником замерли безмолвным островом в самом центре шумного круга. Он стоял так близко, что я чувствовала от него привычный запах растворителей и синтетического табака, но стена между нами была несокрушима. Я пыталась поймать его взгляд, но он старательно отводил глаза в сторону Маркуса. Однако, когда галдящая толпа друзей буквально впихнула нас в дверной проем, я почувствовала нежное, едва уловимое касание его теплой ладони на своей руке. Это была сущая малость, но после четырех недель молчания - предел того, на что я смела надеяться. Сердце быстро забилось, а затем замерло, упав в пятки. Кожа покрылась мурашками. Он на секунду остановился, а после прошел вперед в аудиторию, даже не обернувшись. Но в глубине души я знала, что его нутро тоже затрепетало от этой мимолетной близости.

Вся наша компания расположилась в центре среднего ряда. Лишь с той разницей, что по левую руку от меня теперь сидел не Янник, а Беатрис. По залу разнесся тихий вибрирующий гул, означающий начало занятия. Все разговоры резко оборвались, сменившись бурным перешептыванием, а также лязгом стальных пластин и свинцовых перьевых ручек, которые студенты небрежно вываливали на парты.

За трибуной уже стоял профессор Конрад Каспар, чья речь встречала нас при поступлении в академию. Его форменный пиджак висел на узких плечах чуть свободнее, чем полагалось, подчеркивая хрупкое, обычно не свойственное мужчинам телосложение. Он не любил шум, но, несмотря на должность, был одним из немногих преподавателей, кто не душил нас с самого первого дня железной дисциплиной. Зам ректора просто ждал, пока аудитория сама настроится на его волну. Профессор медленно прошелся вдоль первого ряда, и его металлическая трость, замаскированная под дерево, издавала сухой, костяной стук.

Рад видеть, что ваши голосовые связки не атрофировались за время введения режима безопасности, и я уверен, что вам есть что рассказать друг другу, - негромко произнес Каспар, однако его на удивление четкий голос тут же усмирил ропот десятка губ. - Но техномагия не ждет. Продолжим же дальше разбирать ее основы.

-Вал мне в дышло! Снова стирать пальцы в кровь, пока записываем его скучные лекции, - шепотом простонал Игнис.

-Сегодня для вас особенный день, - монотонно продолжил профессор, сложив руки за спиной. - Мы попробуем зарядить кристаллы магией. Я поделюсь с вами, как это нужно делать правильно.

-Вау, Игнис, похоже, сегодня наши руки останутся в целости, - одними губами пробормотала Беатрис.

-Я бы не был так уверен, любовь моя. Но если нам повезет, сегодня ночью ими можно будет воспользоваться по другому назначению, - приглушенно сказал Гир.

-Святая искра, зачем я только села между вами? Мне было бы необязательно это знать, - посетовала я себе под нос, уже представив эту картину. - И как вы не боитесь, что когда-нибудь попадетесь? Если вы и вовсе не забыли, мои дорогие друзья, пятое правило академии.

-Мы рассчитываем, что к этому моменту первокурсники достаточно овладеют теоретическими и базовыми практическими навыками, - речь Каспара вклинивалась в наш диалог. - А также станут довольно близки с понятием дисциплины и всеми возможными последствиями халатного обращения с кристаллами для того, чтобы наконец начать пользоваться непосредственно магией.

-Как там говорится - правила созданы, чтобы их нарушать? - едва слышно, с привычной ухмылкой произнес Игнис.

-Но для начала, - в голосе заместителя ректора прибавилось металла, явно намекая на превышение допустимого уровня шума в аудитории, - вспомним, какие виды мана-камней вообще существуют. Вы должны были пройти это еще на первой лекции по кристалловедению. Может быть, кто-то из вас поможет освежить нашу память? Например, Райз?

Янник выглядел уверенно и спокойно - впрочем, как и всегда. Это была та тема, в которой он точно разбирался лучше любого сидящего в этом зале студента. Он неторопливо поднялся с места, сложив руки на талии, и голос его, ровный и грудной, заполонил аудиторию:

-В нашем мире существует семь основных разновидностей мана-кристаллов. Первые - конденсаторы - самые распространенные, поэтому, упоминая их в разговорной речи, мы даже не уточняем название. Вторые - стихийные. К ним можно отнести огненные пиро-камни, водные гидро-камни, воздушные аэро-камни и земные гео-камни. Третьи - носители информации. Четвертые - иллюзорные. Пятые - кристаллы телепортации. Также есть кристаллы общения и последний, седьмой вид - климатические монолиты или погодные мана-камни.

-Прекрасный ответ, мистер Райз, - заметил Каспар. - Возможно, вы сможете поделиться еще и особенностями каждого вида?

Профессор Каспар слушал Янника, чуть подавшись вперед, и на его бледном лице застыло выражение странной гордости, смешанной с грустью. Он обвел взглядом студентов - кто-то лихорадочно записывал, кто-то скептически кривился, - но большинство просто замерли.

-Конечно, профессор. Начнем с конденсаторов. Это, можно сказать, универсальные аккумуляторы прозрачно-голубого цвета, который темнеет при полной зарядке. Они не имеют специализации. Если наполнить их магией, они становятся просто сырой энергией. Мы используем их повсеместно: в лифтах, лампах, мобилях, мелких устройствах по типу часов. Иногда на них настаивают особый синтетический голубой спирт. Что же касается стихийных кристаллов, тут лучше разобрать каждый подвид отдельно. Например, пиро-кристаллы - ярко-алые. Мы часто используем их в горелках и при плавке металлов. Гидро-кристаллы обычно бирюзовые. Благодаря им у нас отлажено работают системы фильтрации и водопровода. А также тушатся мелкие возгорания, нередко возникающие во время учебного процесса в мастерских и лабораториях.

Аудитория совсем притихла, завороженно слушая образовательный монолог Янника.

-Почти невидимые, чуть белесые аэро-кристаллы нужны для правильной работы вентиляции. Матовые бурые или изумрудные гео-кристаллы активно применяются в строитель-

стве, особенно для укрепления фундамента. Третий вид - носители глубокого чёрного цвета - работают как структурные хранители информации. Они не требуют постоянной подзарядки и накапливают данные веками, проецируя их по желанию владельца. Радужные иллюзорные кристаллы в спокойном состоянии создают вокруг себя легкое марево. При подаче энергии разворачивают триггерную 3D-проекцию чертежа, карты или, например, расписания. Чем больше камень, тем четче и крупнее изображение.

Янник на несколько секунд остановился, тяжело вздохнув. Но, заправив выбившийся карамельный завиток за ухо, продолжил.

-Пятый вид - кристаллы телепортации - имеют глубокую синюю, иногда визуально почти черную окраску. Будучи полностью запитанными, они способны перенести мага практически в любое место. Дилемма заключается лишь в том, что точку назначения нужно формулировать предельно ясно. Идеальным вариантом является использование точных координат во избежание разного рода казусов. Розовые или сиреневые кристаллы общения бывают разного размера и отличаются тем, что продаются только парами. Это один камень, расколотый надвое. Между ними существует невидимая сцепка. При прикосновении к одному второй начинает вибрировать на той же частоте на любом расстоянии. Если оба собеседника держат половинки в ладонях одновременно, то они могут разговаривать друг с другом. К сожалению, ни акустики, ни общие инженеры пока не придумали способ, с помощью которого при использовании одного кристалла будет возможным общение больше чем между двумя людьми. И последний из основных, но не по значимости вид - климатические монолиты. Они представляют собой валуны темно-графитового цвета и работают как магниты для атмосферных фронтов, разгоняя облака. Одной из главных их особенностей является то, что для зарядки магией одного такого камня требуется слаженная синхронная работа нескольких человек. И в довершение хотелось бы сказать о том, что практически все эти виды кристаллов - не вечные. К концу срока своей эксплуатации они могут трескаться или мутнеть и затем уходят на переработку.

Янник закончил свою речь и, коротко кивнув профессору, опустился обратно за парту, даже не взглянув в мою сторону.

-Блестяще! - Каспар довольно потер ладони. - Исчерпывающий ответ. Пять баллов. Признаться, по качеству вы едва не превзошли мою лекцию.

Профессор щелкнул пальцами, и прямиком из препараторской, повинуясь его воле, вынырнули несколько подмастерьев с серебристыми подносами в руках. На каждом лежало по горсти крошечных конденсаторов - прозрачных как слеза кристаллов, еще не тронутых никакой силой. Они побежали по рядам, аккуратно укладывая камни по одному на парты прямо перед нами.

-А теперь перейдем к практике, - голос преподавателя стал серьезнее. - Теория мертва без чувства. Закройте глаза. Представьте, что вы - всего лишь частица в бесконечном океане. Вокруг вас бушуют невидимые глазу потоки природной магии. Они везде: в воздухе, в стенах академии, в самой земле. Не пытайтесь зачерпнуть весь океан - вы захлебнетесь. Почувствуйте одну-единственную нить. Тонкую, как волос. Мысленно вырвите ее из общего потока и аккуратно, словно продеваете в игольное ушко, направьте в кристалл на вашем столе.

Игнис и Беатрис суетливо зашебаршили на своих местах, а затем погрузились в своего рода медитацию. Я же не спешила закрывать глаза. Оперевшись подбородком на ладонь, я залюбовалась Янником. Он работал играючи: его веки были расслаблены, а на губах застыла легкая, почти дерзкая полуулыбка. Спустя мгновение кристалл в его руках вспыхнул ровным, безмятежным лазурным светом. Янник даже не вздрогнул - можно было только гадать, сколько раз в своей жизни он это исполнял.

Справа послышался резкий хлопок и вскрик - у незадачливого однокурсника кристалл разлетелся в пыль, не выдержав слишком грубого напора. С другой стороны, раздался треск:

чей-то камень помутнел и покрылся трещинами. Студенты краснели от напряжения, их лица покрывались испариной.

Лишь, когда общий хаос в аудитории спал и зал начал наполняться неброским голубым свечением, я наконец отвела взгляд от безупречного профиля Янника, нащупала пальцами прохладную грань своего камня и решилась.

Настраиваясь, я прикрыла веки и попыталась занырнуть в тот самый океан, о котором говорил профессор. Но вместо бушующих потоков силы я обнаружила лишь иссушенное, пыльное марево. Реки магии, которые должны были искриться энергией, казались мне жалкими и скудными ручейками. Они не пульсировали, а едва тянулись, изжившие себя до предела.

Я погрузилась глубже, за пределы физического слуха. Океан магии Каспара оказался миражом. Я видела его дно - потрескавшееся и безжизненное. Я сосредоточилась, выискивая в этой тусклой серости хоть один живой канал. Вот она - тонкая, едва мерцающая нить. Я ментально потянулась к ней, пытаясь осторожно зацепить и выудить из общего затухающего фона. Но едва мои пальцы коснулись ее, по ним пробежал не заряд бодрости, а трупный холод угасающей жизни. Нить рассыпалась словно пепел, не оставив после себя ничего.

Я пробовала снова, и снова, и снова. Но каждое новое усилие лишь множило мои неудачи. Это было не просто истощение - это была агония. И в этой звенящей пустоте, где-то на самом краю сознания вместо гула безудержной силы я услышала едва различимый, леденящий душу шепот, будто ко мне обращается сама израненная природа:

-Помогиии…

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.